

Українській Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсяннико-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

25-го Іюня 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ
MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 6

Редакція № закончена 23 іюня

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

Встревоженный муравейникъ.

Мое появленіе въ Петербургѣ во время текущей сессіи Думы и участіе въ декабрѣ на засѣданіяхъ украинской парламентской фракціи и украинскаго политическаго клуба, особенно первая рѣчь, въ которой я, привѣтствуя украинскихъ депутатовъ отъ имени своихъ ближайшихъ товарищей, познакомилъ присутствующихъ съ результатами тридцатилѣтней конституціонной жизни австрійской Украины и указалъ тѣ препятствія, какія встрѣчало ея общественное и культурное движеніе и какія необходимо имѣть въ виду, чтобы ихъ избѣгать, при устройствѣ политическихъ и общественныхъ отношеній въ Россіи, — не на шутку встревожило блюстителей нынѣшнихъ порядковъ австрійской Украины. Въ польскихъ газетахъ, львовскихъ, краковскихъ, даже познанскихъ, появились статьи, гдѣ крики испуга перемѣшались съ болѣе или менѣе крупною бранью по моему адресу и призывали тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, къ вящему вниманію къ моей дѣятельности. „Русинскій делегатъ въ Петербургѣ! Среди украинскихъ депутатовъ раздаются рѣчи, описывающія въ черныхъ краскахъ польское правленіе Галиціи! Проф. Грушевскій рассказываетъ объ избирательныхъ порядкахъ Галиціи, о ея польской „конституціи“! Надо имѣть въ виду, что Грушевскій *нарочно* (это слово подчеркнуто въ оригиналѣ) ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы передать свой привѣтъ украинскимъ депутатамъ!.. Вообще надо обратить особенное вниманіе на дѣятельность проф. Грушевскаго и его пропаганду тѣсной связи Украины австрійской и російской, напомнить ему если не лично, то на „Науковомъ обществѣ имени Шевченки“, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ и которое получаетъ отъ галицкаго (польскаго) сейма субсидію — что поляки еще господа положенія въ Галиціи!

Признаюсь въ глубинѣ моего паденія, лично меня эти выпады весьма мало задѣли. За долгій рядъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ мнѣ приходилось быть мишенью подобныхъ и даже вовсе неподобныхъ нападокъ со стороны разныхъ невольныхъ и вольныхъ жандармовъ, сторожившихъ украинскій народъ въ его угнетеніи и упадкѣ и обыкновенно во всякомъ движеніи украинства прозрѣвавшихъ мою вину и призывавшихъ громы, бичи и скорпіоны на голову „гайдамака въ тогѣ“ (если дѣло происходило въ Галиціи) или „проповѣдника украинскаго сепаратизма“ (если рѣчь шла въ предѣлахъ російскихъ), я имѣлъ достаточно времени обтерпѣться и привыкнуть къ нимъ, и если теперь упоминаю объ этой послѣдней кампаніи, то лишь потому, что этотъ маленькій взрывъ благороднаго негодованія, какъ это часто бываетъ, въ своемъ порывѣ нѣсколько обнажилъ благородныя души, излившія его, и позволилъ лишній разъ познакомиться съ ихъ тайниками *).

Что же такъ огорчило польскихъ политиковъ? Прежде всего, конечно, опасность, что можетъ быть скомпрометировано въ глазахъ украинцевъ въ Россіи и самого русскаго общества польское правленіе Галиціи. Впродолженіе сорока лѣтъ, протекшихъ съ начала конституціонной эры въ Австріи, польскіе правители Галиціи, въ качествѣ правящаго класса и правящей народности, захватившіе ее исключи-

---

*) Поэтому не для того, чтобы ослабить возбужденный мною благородный гнѣвъ, а лишь въ интересахъ полной достовѣрности, я замѣчу, что въ краткомъ изложеніи корреспондента газеты „Громадська Думка“, изъ котораго почерпнули свои свѣдѣнія о ней и мои антагонисты, моя рѣчь получила нѣсколько крикливый характеръ и, при сокращеніи содержанія, нѣкоторыя фразы получили не совсѣмъ удачную стилизацию (въ устахъ польскихъ обозрѣвателей, или пользовавшихся этимъ содержаніемъ изъ другихъ—третьихъ рукъ, или непонимавшихъ украинскаго языка, вышли затѣмъ уже вовсе небывалыя вещи). Впрочемъ, мои воззрѣнія на польско-украинскія отношенія Галиціи въ прошломъ и настоящемъ и на современныя условія галицкой жизни не составляютъ секрета ни для кого: я изложилъ ихъ съ достаточною полнотою въ своемъ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа“, гдѣ отдѣльная глава была посвящена современной Галиціи, и въ статьяхъ „Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи“, печатавшихся въ прошломъ году въ „Кіевскихъ Откликахъ“, перепечатанныхъ затѣмъ въ „Кіевской Старинѣ“ и вышедшихъ также отдѣльною брошюрою. Они не должны были составлять секрета и для польскихъ публицистовъ, огорчившихся такъ моимъ краткимъ обзоромъ галицкихъ отношеній, сдѣланнымъ въ Петербургѣ.

тельно въ свои руки, дискредитировали въ глазахъ населенія всякое понятіе порядка, законности, права, и ни мнѣ, ни какому либо другому обличителю шляхетскихъ порядковъ не удастся высказать по ихъ адресу обвиненія, которое бы не повторялось уже на разные лады въ мѣстной прессѣ, въ политическихъ конгрессахъ, въ парламентскихъ запросахъ. Но польскіе политики всегда бываютъ очень не довольны, когда эти обвиненія и жалобы выходятъ за бронированныя шовинистическимъ цинизмомъ стѣны секретной камеры, въ которую они постарались превратить Галицію.

Даже въ центральномъ парламентѣ они предпочитали бы не слышать ихъ и не перестаютъ рекомендовать украинскимъ депутатамъ не выносить соръ изъ избы и „свои домашніе споры кончать у себя дома“—т. е. въ галицкомъ сеймѣ, гдѣ вполнѣ господствующее (составляющее около 90⁰/о всего состава депутатовъ *) польское большинство стоически выносить и можетъ вынести всѣ обвиненія и жалобы подавляемой народности, какъ бы ярки и вопіющи ни были онѣ. Правда, и въ центральномъ парламентѣ онѣ остаются глазомъ вопіющаго въ пустынѣ, благодаря тактикѣ польскаго коло, неизмѣнно входящаго въ составъ правительственнаго большинства (изъ кого бы оно ни состояло), и всѣ требованія украинскихъ депутатовъ, чтобы разслѣдованіе инкриминируемыхъ правонарушеній предавалось парламентскимъ комиссіямъ или трибуналамъ другихъ провинцій, а не мѣстной администраціи, назначаемой по указаніямъ того же польскаго коло, оставались безуспѣшны. Но все же изъ центральнаго парламента эти обвиненія доходятъ до чужихъ, небронированныхъ ушей, портятъ хорошее расположеніе духа польскихъ политиковъ. Если бы удалось осуществить планы польскихъ политиковъ, стремящихся расширить областную автономію Галиціи (вопреки стремленіямъ Украинцевъ къ раздѣлу ея на двѣ этнографическія части и установленію автономіи національно-территориальной), увеличить компетенціи галицкаго сейма за счетъ парламента и замѣнить непосредственное представительство въ немъ делегатами сеймовъ, избирае-

*) Такой составъ сейма провинціи, въ которой украинское населеніе въ численности не уступаетъ (даже превосходитъ) польскому, объясняется отчасти системою классового представительства, отчасти совершенно незаконною практикою выборовъ — однимъ изъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ польскаго управленія Галиціей.

мымъ большинствомъ сейма (въ данномъ случаѣ—польскимъ), этому можно было бы положить конецъ, а пока, кромѣ непріятностей отъ украинскихъ депутатовъ парламента, нѣтъ ничего.

Въ послѣдніе годы прусскіе политики начали пользоваться матеріаломъ, доставляемымъ „галицкими дебатами“ вѣнскаго парламента, какъ оружіемъ противъ мѣстныхъ польскихъ политиковъ, и на ихъ справедливыя жалобы на германизирующую политику Пруссіи по отношенію къ прусскимъ Полякамъ отвѣчаютъ ядовитыми ссылками на то, что галицкіе Поляки въ томъ же направленіи поступаютъ еще рѣзче и безцеремоннѣе по отношенію къ галицкимъ Украинцамъ. Это, положимъ, не сдѣлало галицкихъ Поляковъ болѣе лояльными или сдержанными по отношенію къ своимъ украинскимъ согражданамъ, но заставило ихъ еще болѣе неодобрительно смотрѣть на всякія енуціаціи о галицкихъ отношеніяхъ за предѣлами „домашняго порога“. Теперь они опасаются распространенія въ Россіи свѣдѣній о томъ, какіе порядки устроили себѣ Поляки подъ сѣнью областной автономіи въ Галиціи, какое примѣненіе изъ своихъ демократическихъ принциповъ дѣлаютъ здѣсь польскіе „національ-демократы“, въ вопросахъ національныхъ еще болѣе нетерпимое даже, чѣмъ консервативныя аграріи—(блестяще дебютировали они въ этомъ отношеніи въ вопросѣ объ избирательной реформѣ, исказивъ совершенно принципъ равнаго избирательнаго права въ интересахъ польскаго господства), какія благодѣтельныя условія для экономическаго и культурнаго развитія созданы были для „національнаго меньшинства“ подъ попечительною опекою правящей (*dominujacej* и *kraju*) народности польской. Не безъ основанія соображаютъ они, что такія свѣдѣнія могутъ сильно расхолодить довѣріе къ искренности демократизма и польскихъ національ-демократовъ Россіи,—сопартійниковъ галицкихъ, къ ихъ стремленіямъ выдѣлить и отгородить какъ можно непроницаемѣ Польшу отъ вмѣшательства парламентарнаго общеимперскаго законодательства, къ ихъ стараніямъ сохранить отъ „всякаго исправленія“ нынѣшнія границы царства Польскаго, т. е. вмѣсто національно-территоріальной автономіи получить областную, въ нынѣшнихъ границахъ, а населеніе не-польскихъ территорій, входящихъ въ составъ нынѣшняго Привислинскаго края, обезпечить правами мень-

шинства, вмѣсто того, чтобы присоединить къ сосѣднимъ соплеменнымъ территоріямъ.

Несомнѣнно, польскіе порядки Галиціи могутъ послужить плохую службу польскимъ стремленіямъ въ Россіи, но виноваты тутъ будутъ не информаціи которымъ не могутъ быть положены предѣлы никакими административными воздѣйствіями, а самая наличность польской политики въ Галиціи, нисколько не смягчающейся въ виду нынѣшняго критическаго момента, и даже ненаходящей серьезнаго осужденія со стороны руководящихъ элементовъ остальныхъ частей Польши *). Я съ большимъ вниманіемъ присматривался, стараясь уловить какое-либо смягченіе въ галицкихъ отношеніяхъ въ виду современныхъ русско-польскихъ отношеній—напр., не отразится-ли поддержка, оказанная „академическимъ союзомъ“ Россіи польскимъ требованіямъ въ вопросѣ о польской высшей школѣ, на отношеніи галицкихъ поляковъ къ наболѣвшему университетскому вопросу въ Галиціи. Но увы—защитники польскаго stanu posiadania (польскаго владѣнія) оказались и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, вѣрными послѣдователями принциповъ „тащить и не пущать“.

Среди польскаго общества Галиціи глубоко укоренилось убѣжденіе, что украинское меньшинство ея должно послужить строительнымъ матеріаломъ для польскаго національнаго и политическаго зданія (odbudowania Polski), что здѣсь Польша должна получить реваншъ за потери, понесенныя ею въ западныхъ своихъ земляхъ—Силезіи и Великопольшѣ, безнадежно подавленныхъ германизмомъ, а также и въ польскихъ провинціяхъ Россіи. Такія наивно-утопическія соображенія приходится слышать даже отъ людей, далекихъ отъ активной политики, не отличающихся особеннымъ шовинизмомъ, и это обстоятельство даетъ понятіе, насколько мы имѣемъ дѣло здѣсь съ ходячимъ, привычнымъ взглядомъ.

*) Годъ тому назадъ неизвѣстный мнѣ полякъ изъ юго-западнаго края, подписавшійся буквою К., пробовалъ, пользуясь аргументами галицкихъ народныхъ демократовъ, опровергнуть „весьма обидное для поляковъ мнѣніе о производимыхъ ими притѣсненіяхъ Русиновъ“; статью его, напечатанной въ „Кіевскихъ Откликахъ“, были вызваны упомянутыя выше статьи „Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи“, подтверждавшія это „обидное для поляковъ мнѣніе“; заключавшіеся въ нихъ факты сопоставленія Галицкіе поляки не испробовали тогда опровергнуть, и только теперь заднимъ числомъ излили свою „обиду“ въ видѣ голословныхъ выходокъ по моему адресу.

Украинское „меньшинство“ *) осуждено на небытіе, національное и культурное, и этимъ поясняется энергическое противодѣйствіе со стороны поляковъ украинскимъ планамъ раздѣла Галиціи на двѣ части—украинскую (восточную) и польскую (западную), сообразно этнографическимъ; историческимъ, географическимъ и всякимъ инымъ даннымъ **), препятствія, которыя ставятся увеличенію украинскихъ учебныхъ заведеній и всякаго рода образовательныхъ средствъ, хотя бы они ничего не стоили краю, а учреждались за счетъ государственнаго казначейства; недоброжелательное отношеніе ко всякому прогрессу, экономическому или культурному, среди украинскаго населенія. Послѣдніе годы и послѣдніе мѣсяцы, когда открылись иныя перспективы для польской народности въ Россіи, не внесли въ этой области никакого существеннаго улучшенія; наоборотъ, въ послѣднее время чувствовалось особое напряженіе съ польской стороны—рѣшимость итти напроломъ, не дѣлая никакихъ уступокъ, хотя бы для вида, какія считалось нужнымъ дѣлать прежде отъ времени до времени.

Является ли это результатомъ перемѣнъ въ личномъ составѣ вождей польской политики, или причина лежитъ глубже; обдуманная ли это рѣшимость увѣнчать зданія „органической работы“ (такъ называется эта система обращенія Галиціи въ совершенно изолированное, исключительно польское государство въ государствѣ) или нервность игрока, чувствующаго, что противникъ оказывается сильнѣе, а планъ затруднительнѣе, чѣмъ это казалось вначалѣ — трудно судить, но

---

*) „Меньшинствомъ“ оно является только благодаря тѣмъ тяжелымъ культурнымъ и экономическимъ условіямъ, въ которые поставило его польское господство, по численности же оно не уступаетъ полякамъ даже въ совокупности всей Галиціи, а въ восточной, украинской является пресоблаждающимъ, составляя около 70% всего населенія (при 13% евреевъ и около 16% поляковъ).

**) Нынѣшняя Галиція составляетъ совершенно случайное соединеніе т. н. Галицкой Руси (старога Русскаго воеводства главнымъ образомъ) и малопольской территоріи—воеводства Краковскаго, слитыхъ въ одну провинцію при присоединеніи къ Австріи и составившихъ такимъ образомъ одну провинцію, кото,ую поляки хотя бы то ни стало сохранить нераздѣльною, въ интересахъ національнаго господства. Такой же случайный характеръ составляетъ, какъ извѣстно, и нынѣшнее „Царство Польское“, смѣшанное, еще позже, изъ территорій польскихъ съ прибавкою, совершенно произвольно, частей литовскихъ, украинскихъ и бѣлорусскихъ.

несомнѣнно, что отношенія правящаго польскаго „большинства“ къ украинскому угнетаемому „меньшинству“ стало еще рѣзче, еще исключительнѣе въ послѣдніе годы, когда за спиною правящей шляхты зазвучали трубы воинствующей „передовой демократіи“, такъ называемыхъ здѣсь „всполяковъ“, ставящихъ своею задачею възстановленіе Польши въ ея историческихъ границахъ и своей воинственностью заражающихъ и болѣе сдержанную шляхту.

Съ этой точки зрѣнія интересовъ польскаго господства чрезвычайно желательно было возможное разобщеніе галицкой Украины отъ остальныхъ частей украинской территоріи, ея изолированіе въ собственныхъ слабыхъ экономическихъ и культурныхъ средствахъ. Система гоненій на украинское слово въ Россіи, созданіе непреходимыхъ цензурныхъ границъ между Галиціей и Украиной россійской, дѣятельная поддержка, какую оказывали бюрократическія сферы Россіи галицкому ренегатству (т. наз. москвофильству), подрывавшему силы галицкаго украинскаго движенія, въ этомъ отношеніи оказывали чрезвычайно цѣнныя услуги польскому господству, и старый режимъ Россіи являлся неоцѣнимымъ союзникомъ реакціонной польской шляхты и бюрократіи Галиціи. Но старый режимъ Россіи зашатался, ея украинскій элементъ началъ проявлять себя все дѣятельнѣе, украинское общество Галиціи почувствовало какъ за его плечами, наконецъ, поднимается во всемъ своемъ величіи— „встаетъ Украина“. Явились надежды на скорый выходъ Галичины изъ ея изолированности, на то, что культурная и національная работа, лежавшая на плечахъ галицкой интеллигенціи, найдетъ новые центры и силы движенія въ Украинѣ россійской, что украинское населеніе Галиціи можетъ современемъ рассчитывать на поддержку оттуда, въ борьбѣ за свое существованіе и развитіе— и эта перспектива не могла не встревожить очень сильно польскихъ политиковъ. Они, съ одной стороны, тревожно слѣдятъ за всякимъ проявленіемъ тѣсныхъ связей между Украинцами галицкими и Украиной россійской, съ другой стороны— стараются расхолодить надежды на какую либо помощь оттуда. Постоянно появлялись въ теченіе послѣдняго года споры, старающіеся ослабить впечатлѣніе отъ извѣстій объ украинскомъ движеніи въ Россіи: симптомы его, дескать, совершенно слабы, всѣ народныя движенія совершенно лишены національной украинской окраски, украинское

представительство Думы состоитъ изъ безграмотныхъ крестьянъ и нѣсколькихъ „полуинтеллигентовъ“, украинскій элементъ Россіи совершенно безнадеженъ въ смыслѣ своего національнаго развитія,—галицкимъ украинцамъ нужно отложить о немъ всякое попеченіе и рассчитывать только на себя, да и вообще украинская народность способна быть только силою разрушительною, отрицательною, а не созидательною. Созидательною силою является только элементъ польскій.

Этотъ послѣдній мотивъ развивается теперь съ особою любовью не только по адресу украинскаго и польскаго общества Галиціи, но и по адресу центральнаго правительства. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія польскіе политики не переставали пугать австрійское правительство тяготѣніемъ галицкихъ украинцевъ къ Россіи, старой Россіи съ ея православіемъ и самодержавіемъ. Правда, такое тяготѣніе существовало въ дѣйствительности только у національной и несознательной части русинскаго общества и позднѣйшихъ москвофиловъ, поддерживавшихся въ этомъ тяготѣніи официальными и офиціозными субсидіями изъ Россіи; сознательная часть украинскаго общества въ Галиціи, вѣрная своей національности, менѣе всего была повинна въ симпатіяхъ къ старому режиму Россіи, безпощадно преслѣдовавшему всякое проявленіе украинской жизни у себя и даже за границами своего государства,—но вѣдь бюрократія вообще, всюду и вездѣ, плохо разбирается въ нашихъ тонкостяхъ. Польскіе политики въ своихъ донесеніяхъ и характеристикахъ старательно затушовывали разницу правыхъ и лѣвыхъ теченій украинскаго національнаго и обрусительнаго направленія въ средѣ украинскаго населенія, валили все въ одну кучу, представляя галицкихъ украинцевъ поголовно друзьями русскаго самодержавія, кнутапоклонниками, вздыхающими по Россіи и ея порядку, и галицкихъ поляковъ—рыцарями европейской культуры и конституціонной свободы, составляющихъ передовую стражу Европы на востокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что болѣе важно — охраняющихъ цѣлость австрійскаго государства предъ панславистскими поползновеніями Россіи и тяготѣніемъ къ ней Галичанъ и нѣкоторыхъ другихъ друзей Россіи въ Австріи. Въ виду этого въ интересахъ самой Австріи, поясняли польскіе политики, необходимо всячески содѣйствовать усиленію польскаго элемента, какъ народности, поддерживающей государство (Staatserhal-

tende Nation), противъ элемента украинскаго, какъ народности, вредной для цѣлости государства; слѣдуетъ отдать украинскую народность Галиціи подъ ближайшій надзоръ поляковъ, какъ сторожей государственнаго единства, и не возбраняеть имъ всячески препятствовать развитію національныхъ силъ. Правительственные круги сочувственно внимали этимъ доводамъ и, дѣйствительно, въ продолженіе всей конституціонной эры предоставляли полякамъ *carte blanche* во внутреннихъ отношеніяхъ Галиціи; вмѣстѣ съ тѣмъ польскіе государственные мужи — вообще имѣющіеся и нарастающіе среди польской шляхты (а теперь и среди національныхъ демократовъ) въ чрезвычайномъ обиліи, должны были призываться и призывались дѣйствительно, въ качествѣ оплота государства, на всякіе государственные посты, гдѣ, кромѣ хорошихъ окладовъ и другихъ выгодъ, имѣли возможность также нейтрализовать всякія мѣры, могущія нарушить польскій *stan posiadania* въ Галиціи— понятие чрезвычайно широкое и проникающее весь ея строй и всѣ отношенія въ ней.

Но старый стягъ православія, самодержавія и народности погнилъ, старый режимъ замарался. И Россія перестала быть опасною для всѣхъ западныхъ сосѣдей; ея панславистскими поползновеніями трудно испугать даже австрійскихъ бюрократовъ. Нужно найти иное амплуа для польскихъ политиковъ, и они начинаютъ выступать въ роли пожарной команды, имѣющей положить предѣлъ распространенію революціоннаго пожара изъ Россіи на западъ, а специально—принять мѣры противъ распространенія этого пожара въ Галиціи, въ виду революціонныхъ симпатій галицкихъ украинцевъ. Констатируя сочувствіе проектируемой въ Россіи аграрной реформѣ среди украинскаго общества въ Галиціи, львовскій органъ польскихъ передовыхъ демократовъ, въ статьѣ, посвященной всякимъ опаснымъ симптомамъ среди украинскаго общества (въ томъ числѣ и моей скромной особѣ), замѣчаетъ:

„Эта позиція и энтузіазмъ (украинскихъ органовъ) служитъ новымъ предостереженіемъ, что ферменты російской революціи и безпорядки, которымъ подвергается Россія въ нынѣшній критическій моментъ, могутъ чрезъ посредство Русиновъ, вполне поддающихся вліянію нынѣшняго кризиса Россіи, перейти на почву нашего края и втянуть его въ

водоворотъ той самой борьбы, ареною которой является Россія. Связь нашихъ „Украинцевъ“ съ російскими вышла въявь такъ ярко, что нужно быть приготовленными ко всякимъ послѣдствіямъ этой связи. Охранить отъ печальныхъ послѣдствій этой связи можетъ насъ только разумная и энергическая политика края, которая будетъ имѣть смѣлость стать опредѣленно на *польской* *) точкѣ зрѣнія и понять, что только элементъ *польскій* сумѣетъ въ этотъ моментъ сохранить единство и нераздѣльность края и уберечь его отъ опасности, грозящей со стороны Россіи, которая начинаетъ теперь вліять и все сильнѣе затрагиваетъ здѣшнія отношенія подъ лозунгомъ и знаменемъ реформы, какъ прежде подъ знаменемъ царя“ **)

Эта тирада объясняетъ метаморфозу, происшедшую въ послѣднее время. Въмѣсто роли сторожей свободы и цивилизации отъ реакціоннаго панславизма Россіи, которую приписывали себѣ галицкіе Поляки, они принимаютъ на себя теперь роль добровольныхъ жандармовъ, охраняющихъ спокойствіе всѣхъ почивающихъ на достаткахъ и привилегіяхъ отъ призрака общественно-экономическихъ реформъ, выдвигаемыхъ освобождающейся Россіей. Одновременно съ тѣмъ, какъ народные демократы Польши російской, во имя истины, добра и красоты, хотятъ отгородить западныя окраины Россіи отъ реформъ общеимперскаго парламента и желаютъ демократизацію ихъ проводить не иначе, какъ подъ собственною дирекціею,—народные демократы Галиціи предлагаютъ свои услуги по части предупрежденія и пресѣченія этихъ реформъ въ земляхъ австрійскихъ. Говорится это по адресу „края“, но имѣющіе уши слышать сидятъ немного дальше, въ столичномъ городѣ Вѣнѣ. Какъ разъ тамъ, уже скоро полгода, подъ пагубнымъ вліяніемъ все той-же російской „реформы“, идетъ борьба за избирательную реформу въ духѣ равнаго и прямого права, и полугодичными стараніями польскихъ политиковъ, консерваторовъ, такъ точно какъ и демократовъ, твердо памятующихъ, что каждый изъ нихъ „прежде родился полякомъ, чѣмъ сталъ демократомъ“ ***) и

*) Слова подчеркнуты въ оригиналѣ.

**) Slowo polskie, 8 н. с. іюня.

***) Слова одного изъ видныхъ представителей галицкаго народоваго демократизма, пояснявшаго їми свое отреченіе отъ требованій демократизма въ вопросѣ объ избирательной реформѣ.

поэтому безъ церемоній приносящихъ свой якобы демократизмъ въ жертву интересамъ польскаго господства, все еще не удастся убить ее вполнѣ и безповоротно. Напоминаніе о необходимости держать галицкихъ Украинцевъ въ рукахъ и не колебать обуздывающаго ихъ польскаго господства какими либо демократическими реформами, можетъ быть особенно кстати. Аграрная реформа можетъ найти свой резонансъ въ Галиціи, а это въ высокой степени опасно не только для польскаго господства въ Галиціи, опирающагося все еще на крупномъ землевладѣніи, а и для государственнаго режима, опиравшагося до сихъ поръ исключительно на аристократическихъ и владѣльческихъ классахъ. Эту обоюдность интересовъ нужно выяснитъ и затѣмъ пригласитъ австрійскую полицію и администрацію къ наблюденію и преслѣдованію, совмѣстно съ сыщиками—добровольцами изъ народныхъ демократовъ, за всякими связями галицкихъ украинцевъ съ Україною россійскою, съ освободительнымъ движеніемъ Россіи, со всѣмъ, что грозитъ внести лучъ свѣта въ кромѣшную тьму Галиціи, такъ тщательно консервированную рыцарями цивилизаціи. И „демократическіе“ органы галицкой Польши, наперерывъ съ консервативными, развиваютъ энергическую дѣятельность въ этомъ направленіи.

Проф. М. Грушевскій.

Что такое національность?

IV.

Национальность—одна изъ формъ сохраненія психической энергii.

Психическая жизнь, какъ и жизнь физиологическая, складывается изъ процессовъ *траты* и *сбереженія энергii*. Когда мы напряженно думаемъ о чемъ-нибудь, когда мы „ломаемъ голову“ надъ какимъ-нибудь вопросомъ, то мы тратимъ умственную силу, что и обнаруживается усталостью, притупленiемъ мысли. Но въ этомъ процессѣ не трудно отмѣтить и другую сторону—уже не траты, а сбереженія силы. Пока вы сосредоточенно размышляли о чемъ-либо, ваше вниманiе не отвлекалось въ сторону, не разсѣивалось. Впечатлѣнiя, исходящiя отъ окружающей среды, въ данный моментъ не проникали въ ваше сознание, и оно не производило той психической работы, которая, при другихъ условiяхъ, пошла бы на апперцепцiю этихъ впечатлѣнiй. Извѣстно, какъ утомляетъ разсѣиванiе вниманiя, беспорядочное заполненiе сознания наплывомъ разнообразныхъ, быстро-смѣняющихся впечатлѣнiй, мыслей, образовъ. Часъ, проведенный въ музеѣ, утомляетъ гораздо больше, чѣмъ часъ размышленiя надъ однимъ сюжетомъ.—Если нѣтъ размышленiя въ собственномъ смыслѣ, а есть только, такъ сказать, пассивное воспрiятiе различныхъ впечатлѣнiй, ничего не говорящихъ „уму и сердцу“, то возникаетъ *скука*. Съ психологической точки зрѣнiя, скука пассивна только относительно,—она вовсе не „бездѣлье“, а также „работа“ мысли, т. е. трата душевной силы,—и всякій знаетъ, какъ утомляетъ эта психическая работа, именуемая „скукой“. Она сводится къ разсѣиванiю психической энергii, т. е. къ усиленной тратѣ ея, ведущей къ психическому осуществленiю.

Итакъ, сосредоточиваніе вниманія на чемъ-бы то ни было, устраняя разсѣяніе психической энергіи, сберегаетъ ее.

Это положеніе примѣнимо и къ чувствамъ. Пока вы „ломали голову“ надъ данной темой, вы могли переживать извѣстные чувства, въ томъ числѣ и страстныя, связанныя съ этой темой. Но это участіе опредѣленныхъ чувствъ, такъ сказать, отгородило вашу душу отъ наплыва другихъ чувствъ, устранило возможность возникновенія въ ней, въ данный моментъ, душевныхъ движеній или эффектовъ, которые потребовали бы особой затраты психической силы. Къ процессу сосредоточенія мысли, предохраняющему отъ разсѣянія вниманія, присоединяется здѣсь еще процессъ сосредоточенія чувства, что—при наличности благопріятныхъ условій, въ ряду которыхъ большую роль играетъ само качество или характеръ данныхъ чувствъ,—можетъ внести оздоровляющую экономію въ душевную жизнь человѣка. Но надо сказать, что до сихъ поръ многія стороны психологіи чувствованій остаются темными, въ томъ числѣ и та, которую мы имѣемъ здѣсь въ виду. Дѣло идетъ о томъ, чтобы выяснить, какіе процессы въ душѣ чувствующей тратятъ энергію, а какіе сберегаютъ ее. Есть основанія думать, что многія чувства, по самой природѣ своей, являются тратою, а не сбереженіемъ. Таковы въ особенности всѣ *аффекты*, а также *нерѣдко* и *страсти*.

Имѣя въ виду психическіе процессы всѣхъ трехъ категорій (мысль, чувство, воля), совмѣстная дѣятельность которыхъ называется „душой“, и которыхъ синтезъ образуетъ индивидуальное „я“ человѣка, мы скажемъ, что ихъ сосредоточеніе сберегаетъ энергію, ихъ раздробленіе тратитъ ее. Душа—не вещь, не существо, а дѣятельность мысли, чувства и воли. Эта дѣятельность, чтобы быть экономною, а не расточительною, должна быть планомѣрною. Планомѣрность возможна только при согласованности всѣхъ процессовъ мысли, чувства и воли и подчиненіи ихъ контролю нравственнаго сознанія личности. Моральное сознаніе, весь порядокъ чувствъ, къ нему относящихся, и дѣятельность совѣсти принадлежатъ къ числу тѣхъ психическихъ процессовъ высшаго порядка, которые, развивая наиболѣе энергичную дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ къ сбереженію душевной силы, къ накопленію большихъ психическихъ цѣнностей.

Моральная автономія и самообладаніе личности есть

только высшая форма того сосредоточенія мысли, чувства, воли, о которомъ я говорилъ выше, и принадлежить къ обширному порядку явленій *психической концентраціи*, сберегающей душевную силу.

Къ этому пункту намъ придется вернуться впоследствіи. А сейчасъ намъ необходимо упомянуть о другихъ формахъ сбереженія психической энергіи. Это, во-первыхъ, тѣ, которыя подводятся подъ понятіе *психическаго автоматизма*, и, во-вторыхъ, тѣ, которыя можно охарактеризовать выраженіемъ: *шаблонность мысли, чувства и воли*.

Психическій автоматизмъ, обнаруживающійся во множествѣ нашихъ дѣйствій, каковы: ходьба, танцы, чтеніе, писаніе, рѣчь, игра на музыкальномъ инструментѣ и т. д. и т. д., а также и въ психологическихъ и логическихъ приемахъ мысли и въ моральной функціи совѣсти, очевидно, сберегаетъ огромную массу энергіи, во-первыхъ, потому, что зсѣ эти самопроизвольные акты не требуютъ никакого усилія мысли и воли, совершаются сами собою, не тратятъ психической силы, а во-вторыхъ, потому еще, что они не только не отвлекаютъ вниманія, но напротивъ благопріятствуютъ его сосредоточенію на той сознательной работѣ, въ отношеніи къ которой—данная автоматическая работа является средствомъ, орудіемъ или сопутствующимъ моментомъ. Всякое творчество возникаетъ на почвѣ психическаго автоматизма и развивается за счетъ энергіи, сохраненной этимъ послѣднимъ. Автоматическій „аппаратъ“, лежащій въ основѣ *національнаго* творчества и сберегающій необходимую для него энергію, это „*родной языкъ, достигшій известной высоты развитія и сдѣлавшійся органомъ высшей мысли, при непремѣнномъ условіи, чтобы онъ въ то же время не переставалъ быть органомъ мысли обыденной, орудіемъ мелкаго, повседневнаго психическаго обмена*“*).

Психическая шаблонность представляется явленіемъ родственнымъ психическому автоматизму, но она имѣетъ свои отличія, и ее слѣдуетъ разсматривать какъ особую форму сохраненія психической энергіи. Ея сфера необыкновенно обширна. Человѣческая психика полна всевозмож-

---

*) Вопросу объ отношеніи языка къ національности, затронутому уже въ нашей первой статьѣ („Укр. В.“ № 1), будетъ посвящена отдѣльная статья.

ныхъ „шаблоновъ“, унаслѣдованныхъ и благопріобрѣтенныхъ, психо-физическихъ и чисто-психическихъ, соціальныхъ (групповыхъ, моральныхъ, житейскихъ, профессиональныхъ, культурныхъ, наконецъ индивидуальныхъ. Для нашей специальной цѣли достаточно остановиться только на одномъ рядкѣ явленій этого рода: на шаблонности психики классовой и сословной. Въ такихъ соціальныхъ группахъ, какъ *классъ, каста, сословіе*, въ зависимости отъ экономическихъ, правовыхъ, культурныхъ условий, вѣками вырабатываются и устанавливаются съ большею или меньшею прочностью опредѣленные навыки мысли, воли и чувства. Иные изъ нихъ, передаваясь наслѣдственнымъ путемъ, становятся инстинктами. Личность, принадлежащая къ данной классовой группѣ, находитъ тамъ готовые шаблоны мысли и поведения, установившіяся чувства, систему психическихъ навыковъ, надъ выработкою которыхъ ему трудиться не нужно, и которыми онъ можетъ пользоваться, такъ-сказать, „механически“. Въ этомъ смыслѣ классовая, какъ и всякая групповая психологія, сберегаетъ психическую силу,—и, безъ сомнѣнія, этому сбереженію человѣчество обязано многими успѣхами и завоеваніями на пути всемірнаго прогресса, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго. Однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній классовой психологіи была подготовка *личности*. Индивидуализація человѣческихъ особей впервые началась въ нѣдрахъ классовъ, на почвѣ раздѣленія труда и развитія классовой психологіи.

Изученіе исторіи и психологіи классовъ, какіе возникали въ человѣчествѣ со временъ незапамятныхъ и какіе существуютъ въ настоящее время, представляетъ огромный теоретическій и практический интересъ. Повидимому, цивилизація не могла возникнуть и развиваться иначе, какъ путемъ классовой дифференціаціи нѣкогда однообразнаго человѣческаго стада. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что дальнѣйшее поступательное движеніе всемірной культуры ведетъ къ упраздненію этой дифференціаціи. Ничто такъ не раздѣляетъ людей, какъ классы,—и столь ясно выраженный *космополитическій* характеръ современной цивилизаціи, все усиливающейся, прежде всего направляется не противъ національнаго дѣленія человѣчества (какъ часто и совершенно-ошибочно думаютъ), а противъ классоваго. Космополитизмъ нашего времени нисколько не мѣшаетъ существо-

ванію и развитію національностей, которыя процвѣтають или стремятся къ процвѣтанію больше, чѣмъ когда-либо, но зато, опираясь на могучее развитіе капитализма и техники, онъ различаетъ старыя классовыя формы (не говоря уже о сословныхъ), стремится смести послѣдніе ихъ остатки и пережитки и на ихъ развалинахъ основываетъ двѣ новыя классовыя формы, очень широкія и эластичныя,—*буржуазную* и *рабочую* (объ—въ извѣстномъ смыслѣ—могутъ быть названы „капиталистическими“), изъ которыхъ первая замѣтно различается, а восхожденіе второй является знаменіемъ приближенія эры *безклассовой, демократической цивилизаціи* *).

Учетъ добра и зла, принесеннаго человѣчеству классовой дифференціаціей, представляетъ поэтому не только теоретической, но и практической интересъ. Я не могу, конечно, зѣнаться этимъ учетомъ въ настоящихъ очеркахъ, посвященныхъ не классовой, а національной психологіи. Но нѣсколько словъ на эту тему будутъ здѣсь нелишними — въ интересахъ болѣе отчетливаго различенія природы той и другой. Въ древности, какъ античной, такъ и „варварской“, въ средніе вѣка, а равно и у современныхъ отсталыхъ народовъ востока, какъ и у варварскихъ (и даже нѣкоторыхъ дикихъ) племенъ Африки, Америки, Австраліи, классы являются необходимою принадлежностью социальнаго строя и кладутъ рѣзкій отпечатокъ на психологію людей, о силѣ которыхъ мы, по нашимъ современнымъ классамъ, и понятія не имѣемъ. Между афинскимъ гражданиномъ и рабочимъ была пропасть—не только политическая или правовая, но и психологическая. Только къ концу античной эпохи, въ послѣднія времена Римскаго государства, эта пропасть значительно

---

*) Въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между „буржуазною“ классовою психологіею и „рабочею“ я придерживаюсь нѣкоторой „ереси“, суть которой сводится къ положеніямъ: 1) *буржуазная* психологія шире, эластичнѣе и прогрессивнѣе психологіи старыхъ аристократическихъ классовъ и потому на нѣкоторыхъ пунктахъ сближается съ психологіею рабочаго класса; 2) между „буржуазною“ и „рабочею“ психиками нѣтъ непримиримаго антагонизма; 3) разложеніе буржуазной психологіи есть не столько вырожденіе, сколько психологическое преобразование подъ вліяніемъ слагающейся психологіи рабочаго класса; 4) рабочій классъ (не говоря уже о крестьянствѣ) психологически гораздо „буржуазнѣе“, чѣмъ это принято думать, и ничего прискорбнаго въ этомъ нѣтъ.

заполнилась. Вспомнимъ далѣе касты у египтянъ и индусовъ. Вспомнимъ социальнo-психологическія перегородки, раздѣлявшія въ средніе вѣка феодала отъ горожанина и крестьянина и этихъ послѣднихъ другъ отъ друга. Одними изъ важныхъ и вредныхъ послѣдствій этого рѣзкаго разграниченія классовъ и сословій было *порабощеніе личности формамъ и шаблонамъ классовой психологіи*. Выше я указалъ на положительную сторону готовыхъ классовыхъ шаблоновъ мысли, чувства и воли. Теперь укажу на ихъ отрицательное значеніе. Всякій психологическій шаблонъ хорошъ и полезенъ постольку, поскольку онъ, избавляя человѣка отъ излишней затраты силъ, облегчаетъ его жизнь, дѣятельность и творчество. Для этого шаблонъ долженъ быть по возможности широкъ, эластиченъ и недогматиченъ. Въ его составъ не должны бы входить этическія, религіозныя, юридическія нормы. Къ сожалѣнію, классовыя шаблоны всегда изобиловали этими элементами, число и значеніе которыхъ увеличиваются въ направленіи къ прошлому и уменьшаются по мѣрѣ приближенія къ нашему времени. Въ отдаленной древности сама религія была классовой,—каждый классъ молился своимъ богамъ. Равнымъ образомъ каждый классъ имѣлъ свою особую мораль. Великія національныя религіи древности и послѣдующихъ эпохъ [религія Моисея, авестизмъ (рел. Зороастра), буддизмъ, христіанство, мусульманство] явились—какъ протестъ, болѣе или менѣе революціонный, противъ дробленія религіи по классамъ, а равно и противъ классовой этики. Но, какъ извѣстно, дальнѣйшая исторія этихъ религій показала, какъ безсильны онѣ бороться съ классовыми формами религіознаго и моральнаго сознанія: эти формы наложили на нихъ свой отпечатокъ. Полное освобожденіе религіи и этики отъ классовой психологіи еще предстоитъ въ будущемъ.

Готовые шаблоны полезны и хороши до тѣхъ поръ, пока они не очень потворствуютъ той коренной чертѣ рода человѣческаго, которая извѣстна подъ именемъ „консерватизма“, а въ просторѣчій называется—*лѣнью*. Для умственно и морально лѣниваго человѣка гораздо сподручнѣе итти по проторенной дорогѣ, хотя бы она ни къ чему хорошему не вела, чѣмъ искать новыхъ путей; онъ инстинктивно норовитъ мыслить по установленной догмѣ, чувствовать и поступать по заранѣе даннымъ образцамъ. Пока еще не наступилъ конфликтъ

между этими „образцами“ и духомъ времени, пока классовые шаблоны еще не подверглись критикѣ со стороны людей, представляющихъ и защищающихъ высшіе интересы культуры, общаго блага и человѣчности,—до тѣхъ поръ стадный, классовой человѣкъ остается просто психологическимъ лѣнтяемъ, и пошлой „личностью“ съ рѣзкимъ отпечаткомъ классоваго или сословнаго штемпеля. Но какъ только возникаютъ вышеупомянутые конфликтъ и критика, — лѣнтяй уже величаетъ себя „консерваторомъ“... Психологическою основою всякаго консерватизма является лѣнь мысли, чувства и воли, и ничто такъ не благоприятствуетъ этой мысли, какъ развитіе и упроченіе классовыхъ психологическихъ шаблоновъ. Если бы европейская цивилизація замкнулась въ классовомъ строѣ, если бы средневѣковые классы и сословія превратились въ законченныя, неподвижныя касты,—Европа пришла бы къ застою хуже китайскаго. Одною, такъ сказать, „голою“ борьбою классовъ, которою полна вся исторія человечества со временъ незапамятныхъ, нельзя было бы выйти на свѣтъ Божій изъ этихъ тѣснинъ классовыхъ шаблоновъ. Выходъ оттуда открывается психологическимъ разложениемъ классовыхъ формъ, обусловленнымъ требованіями прогресса матеріальной культуры, и это разложеніе идетъ, все усиливаясь подъ воздѣйствіемъ *развитія личности, высшей умственной культуры и національной психологіи, свободной отъ обязательныхъ догмъ морали, права, религіи*. Этими силами, которая въ послѣднемъ счетѣ составляютъ одну силу, человечество стало подыматься выше классовъ,—и рядъ такихъ подъемовъ, опыты которыхъ производились въ древности, создалъ новыя—уже не классовыя, — а *національныя* формы сбереженія энергіи.

Въ отличіе отъ классовыхъ, національныя формы не предопредѣляютъ ни чувствъ, ни вѣрованій, ни убѣжденій человѣка и, сберегая психологическую силу, открываютъ широкій просторъ его умственной и волевой дѣятельности. Нѣмецкая національная форма психики ничуть не обязываетъ нѣмца быть непременно протестантомъ, а не католикомъ,—аграріемъ, а не социаль-демократомъ, или наоборотъ. Французская національная форма психики не требуетъ исповѣданія католицизма и не обязываетъ къ религіозному индиферентизму, очень распространенному во Франціи, а равно уживается со всевозможными направленіями въ поли-

тикѣ и въ этикѣ. Было бы большою ошибкою видѣть національную черту въ извѣстномъ пристрастіи англичанъ и янки въ формальной религіозности. Это — черта нравовъ, явленіе бытовое, ничего общаго не имѣющее съ психологіею национальности, какъ, съ другой стороны, ничего общаго съ этою послѣднею не имѣютъ имперіалистская и колониальная политика Англій (иначе, напр., Байронъ и Спенсеръ не могли бы считаться образцами англійскаго національнаго „генія“). Быть, нравы, политика, интересы промышленности и торговли мѣняются въ зависимости отъ условій мѣстныхъ и общихъ, а національность развивается и идетъ своимъ путемъ— вмѣстѣ съ развитіемъ личности и высшей умственной культуры.

Если національность—своего рода „шаблонъ“, то это—самый, такъ сказать, „либеральный“, „гуманный“ и широкий изо всѣхъ психическихъ шаблоновъ, какіе только существуютъ въ природѣ человѣка. И всякій человѣкъ, поскольку онъ психологически націоналенъ, постольку же — широкъ и внутренне-свободенъ,—между тѣмъ какъ поскольку онъ *соціаленъ*, т.-е. является членомъ соціальной группы, класса, сословія, секты, партіи, государства, — постольку онъ такъ или иначе узокъ и внутренне—связанъ разными психологическими „обязательствами“, догмами и шаблонами. Ограничиваетъ человѣка не національность, а соціальность. Достаточно извѣстно, что національныя формы, уже сложившіяся и развивающіяся, легко и быстро выходятъ за предѣлы той соціальной среды, гдѣ онѣ впервые зародились. Вмѣстѣ съ умственною культурою національность переходитъ отъ одного класса къ другому, отъ высшихъ слоевъ къ низшимъ, изъ одной страны въ другую, даже отъ одной этнической группы къ другой. Незачѣмъ доказывать, что расовыя отличія всего менѣе препятствуютъ такому передвиженію національности (негры въ Соедин. Штатахъ, по національности, принадлежатъ къ той же англо-американской разновидности англосаксонской націи, къ которой относятся и янки)*).

Въ противоположность классовымъ формамъ личности, многіе элементы которыхъ отражаются въ сознаниі чело-

---

*) Этотъ вопросъ—о *миграціи* национальностей будетъ рассмотрѣнъ въ одной изъ дальнѣйшихъ статей въ связи съ критикою вредной объединительной политики, напр., обрусѣнія, онѣмеченія и т. д.

вѣка, національная форма (при нормальной ея постановкѣ и правильномъ функционированіи) остается за предѣлами сознанія и оставляетъ поле этого послѣдняго свободнымъ для положительной, творческой работы мысли и воли. Выше я указалъ на то, что шаблоны классовъ и другихъ социальныхъ группъ, будучи въ нѣкоторомъ рабствѣ съ явленіями психологическаго автоматизма, не всегда и не во всемъ совпадаютъ съ ними. О національной формѣ я скажу, напротивъ, что *она представляетъ собою одно изъ наиболее яркихъ проявленій психическаго автоматизма.* Это видно уже изъ того, что національность только въ формѣ процессовъ бессознательныхъ функционируетъ правильно и плодотворно. Все бессознательное—автоматично. И „бессознательная сфера“ нашей психики является ареною, гдѣ по преимуществу и совершаются процессы сбереженія энергіи.

Национальность есть одна изъ формъ сбереженія энергіи. Въ связи съ этимъ положеніемъ слѣдуетъ разсматривать и вопросъ о происхожденіи и природѣ такъ называемаго „эстетическаго чувства“ или, лучше сказать, той разновидности его, которая является неизмѣннымъ спутникомъ національнаго творчества.

Подъ именемъ „эстетическаго чувства“ обыкновенно разумѣютъ психическія явленія весьма различнаго порядка и происхожденія. Трудно найти другую область въ психологіи, гдѣ бы царилъ такой хаосъ, какъ здѣсь, и гдѣ бы устарѣлыя привычки миеологическаго мышленія были доселѣ такъ властны. Эта миеологія особенно замѣтна тогда, когда вмѣсто „эстетическое чувство“ говорятъ „чувство красоты“, а то и просто „красота“.—И смѣшивая въ одну кучу явленія различныхъ категорій, говорятъ о „красотѣ“ или „эстетической сторонѣ“ природы, костюмовъ, любви, мебели, религіи, посуды, искусства и т. д., забывая при томъ о философіи и наукѣ, гдѣ „эстетики“ не меньше, чѣмъ въ искусствѣ. Но утѣшительно то, что всѣ признаютъ, что настоящею сферою „эстетики“ должно быть признано *искусство*. Отправляясь отсюда и стараясь вникнуть въ психологическую природу „эстетическаго чувства“, какъ оно обнаруживается въ процессѣ художественнаго творчества и въ процессѣ воспріятія произведеній искусства, мы легко придемъ къ слѣдующимъ выводамъ:

- 1) „Эстетическое чувство „въ искусствѣ, по своей

психологической природы, отлично отъ чувства „красоты“. Ибо, напр., образы Собакевича и Плюшкина, вызывая въ насъ несомнѣнное и очень сильное эстетическое чувство, отнюдь не вызываютъ чувства красоты, — въ противоположность Венерѣ Милосской, которая даетъ намъ и то и другое. Эстетическое чувство, ею возбуждаемое въ насъ, должно быть отнесено насчетъ художественнаго творчества, а чувство красоты—насчетъ *объекта* этого творчества. Можно установить, какъ правило, что въ искусствѣ чувство красоты является лишь тогда, когда его объектъ самъ по себѣ, въ натурѣ, способенъ вызывать въ насъ это чувство. Смѣшеніе возникло и глубоко укоренилось въ привычкахъ мысли по той причинѣ, что искусство искони стремилось уловлять и изображать чаще все то, что нравилось, что казалось привлекательнымъ, красивымъ. Оттуда и тотъ старинный, нынѣ упраздняемый, взглядъ на искусство, что оно—родъ забавы, роскошь и существуетъ для „украшенія“, для „облагороженія“ жизни. — 2) *„Эстетическое чувство, развиваемое въ художественномъ процессѣ, по своей психологической сущности, совпадаетъ съ аналогичнымъ чувствомъ, возникающимъ въ процессѣ научнаго и философскаго познанія.* Ибо эстетическое чувство порождается не созерцаніемъ образа (какъ часто думаютъ), а его *пониманіемъ* („созерцайте“ хоть 3 года образъ Чичикова, и вы не испытаете эстетической эмоціи, если при этомъ не будете *понимать* этого образа, какъ созданія обобщающей мысли, въ его отношеніяхъ къ дѣйствительности—съ одной стороны, и къ психологіи творчества поэта, съ другой).—Разъ это такъ, то эстетическая сторона искусства принадлежитъ къ общей *„эстетикѣ познанія“.* И разновидности опредѣляются здѣсь не столько различіями, какими научно-философское познаніе разнится отъ художественнаго, сколько — *различіями методовъ, общихъ всѣмъ видамъ познанія.* Нужно сперва различать „эстетику“ индукціи (въ наукѣ, въ философіи, въ искусствѣ) и „эстетику“ дедукціи (во всѣхъ трехъ областяхъ), а потомъ уже устанавливать частныя отличія между эстетикою, напр., индукціи научной—съ одной стороны, философской — съ другой, художественной — съ третьей. 3) *Эстетическое чувство есть чувство умственнаго порядка, спутникъ работы мысли и симптомъ того, что эта работа идетъ правильно, успѣшно, что она—*

производительна. Оттуда—оттѣнокъ пріятности, наслажденія, присущій этому чувству. Такое „эстетическое наслажденіе“ одинаково испытываетъ и ученый, сдѣлавшій открытіе или установившій новое научное понятіе, и философъ, нашедшій широкую обобщающую идею, и художникъ, создавшій образъ, въ которомъ соотвѣтственныя явленія дѣйствительности получили свое обобщеніе и освѣщеніе.

Первая задача психолога, изучающаго сложныя душевныя явленія, состоитъ въ томъ, чтобы свести ихъ къ соотвѣтствующимъ имъ простымъ. Это въ одно и то же время—вопросъ классификаціи и проблема психологической эволюціи даннаго порядка явленій. Преслѣдуя эту задачу, мы должны теперь вспоминать о тѣхъ автоматическихъ дѣйствіяхъ и тѣлодвиженіяхъ, о которыхъ говорили выше, и въ которыхъ мы отмѣтили процессъ сбереженія энергіи. Это именно *ходьба, бѣгъ, танцы, рѣчь, игра на музыкальномъ инструментѣ* и т. д. Теперь укажемъ на то, что чѣмъ эти дѣйствія автоматичнѣе, тѣмъ яснѣе сопровождаются они *ощущеніемъ психической легкости и пріятности*, и что люди искони склонны объективировать это ощущеніе, приписывая соотвѣтственное ему качество самимъ дѣйствіямъ или органамъ, ихъ совершающимъ (въ силу той же тенденціи, благодаря которой мы приписываемъ снѣгу бѣлизну и холодъ, камню — твердость, горчицѣ — горечь и т. д.). Это объективированное ощущеніе и понимается обычно — какъ *эстетическая сторона* или „красота“, „грація“, „изящество“ и т. д., напр., походки, жестикуляціи, танцевъ, рѣчи и т. д. Въ существѣ дѣла это только „ощущеніе сбереженной энергіи“.

Чѣмъ сложнѣе автоматическій процессъ и чѣмъ больше освобождаетъ онъ энергіи для высшаго творчества, тѣмъ интенсивнѣе это ощущеніе, и на извѣстной высотѣ оно превращается въ *чувство*, которое мы и называемъ „эстетическимъ“. Достаточно извѣстно, какъ много сберегается и освобождается психической силы въ процессахъ *національнаго мышленія*, разъ оно выходитъ за предѣлы элементарныхъ потребностей пониманія, для удовлетворенія которыхъ можно съ успѣхомъ коверкать любой языкъ или пользоваться жестами и воляпюкомъ. Мышленіе, возвышающееся надъ этою элементарностью, изобилуетъ множествомъ оттѣнковъ, сложныхъ ассоціацій, представленій и чувствъ,

глубоко уходить психическими корнями въ сферу подсознательную—и все это вмѣстѣ образуетъ *національную психологию мышленія*. Когда оно функционируетъ, въ формѣ ли созданія мысли для себя, или въ формѣ передачи другому (оба процесса, въ своей психологической сущности, сводятся къ одному), тогда сберегается огромная масса душевной силы, которая и освобождается для дальнѣйшаго творчества. Чувство „умственной радости“, выдѣляющееся въ этомъ процессѣ, глубоко *національно*.

Всякій, кто пробовалъ самостоятельно мыслить и наблюдать процессы мышленія, какъ своего, такъ и чужого, знаетъ, что при успѣшности умственной работы возникаетъ своеобразная „умственная радость“, идущая откуда-то изъ глубины, что она возникаетъ именно тогда, когда работа мысли не ограничивается узкими предѣлами сознанія, когда приходятъ въ движеніе тайныя пружины мысли, и начинаютъ дѣйствовать и вліять на сознаніе ея подсознательныя, ирраціональныя силы. Чѣмъ энергичнѣе работаютъ эти силы, тѣмъ, производя больше, онѣ тратятъ меньше, именно потому, что онѣ подсознательны,—и чѣмъ больше „умственной радости“ выдѣляется изъ этихъ тайниковъ психики. А эти „тайники“ и являются, такъ сказать, „мѣстопробываніемъ“ національныхъ укладовъ. Оттуда—*національный пошибъ эстетики высшаго мышленія, какъ научно-философскаго такъ и художественнаго*.

Значеніе этого вывода выяснится въ дальнѣйшемъ, когда мы покажемъ, что именно силою этой „эстетики“ процессы и результаты высшаго національнаго мышленія, научно-философскаго и художественнаго, и становятся достояніемъ общечеловѣческимъ.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій.

Характерная страшилка изъ прошлого.

(И. Г. Шевченко и народная школа.)

Значеніе Т. Г. Шевченка, какъ величайшаго поэта Украины, поэта, которымъ гордится и вся Россія, и весь славянскій міръ, поэта, который занимаетъ почетное мѣсто и въ міровой поэзіи, прочно установилось въ общемъ сознаніи. Но особенно близокъ и дорогъ онъ украинскому простому народу, изъ среды котораго онъ вышелъ и которому посвятилъ всю свою жизнь. Это былъ *народный* поэтъ въ истинномъ и полномъ смыслѣ этого слова. Казалось бы, что произведенія пѣвца Украины должны были бы имѣть безпрепятственный доступъ въ украинскія школы; казалось бы что съ біографіей его необходимо было бы знакомить школьниковъ. Но... въ дѣйствительности, за исключеніемъ только 2—3-хъ лѣтняго періода (1859—1861 г.), когда въ Кіевѣ (по инициативѣ проф. П. В. Павлова) и въ другихъ мѣстностяхъ южной Россіи возникли воскресныя школы, придававшія огромное педагогическое значеніе украинскому языку въ дѣлѣ первоначальнаго преподаванія и пользовавшіеся имъ, какъ практическимъ средствомъ,—литературныя произведенія, написанныя на родномъ для учащихся языкѣ, всегда считались недопустимыми, и отъ нихъ бюрократія (свѣтская и духовная) тщательно оберегала школу. Къ многочисленнымъ фактамъ репрессій противъ украинскаго языка мы можемъ присоединить еще одинъ чрезвычайно характерный—это именно конфиденціальное письмо Кіевского Митрополита къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода объ украинской грамматкѣ Ященко съ приложеніемъ донесенія о ней же благочиннаго Малицкаго. Документы эти ясно указываютъ намъ, какими путями и средствами враги украинскаго слова

достигали своихъ цѣлей — полнаго устраненія изъ школы основы народности—языка.

Приводимъ оба документа въ ихъ подлинномъ видѣ:

„Дабы яснѣе понять и вѣрнѣе увидѣть, чему, какъ и для чего хотять обучать народъ грамотѣ въ такъ называемыхъ народныхъ училищахъ, стоитъ только внимательно прочитавъ принятую въ сихъ училищахъ въ общее руководство и при семъ посылаемую Граматку, или Азбуку для Украинскаго люда, соч. профессора университета Ященко, съ копією поступившаго ко мнѣ отъ Благочиннаго Малицкаго о сей Граматкѣ рапорта. Почтенный авторъ сей книжицы показалъ особенное искусство и умѣнье однимъ путемъ достигать двухъ цѣлей, изъ коихъ одна на другую нисколько не похожа.

У него грамотность служитъ прекраснымъ средствомъ, для проведенія въ народныя массы понятій и стремленій, которыхъ предусмотрительное Правительство одобрить, конечно, не можетъ. Къ этой главной за народною грамотностью, тщательно сокрытой цѣли у него направлено: и многознаменательный эпиграфъ, и предисловіе, древлеславянскую Азбуку жестоко порицающее и осмѣивающее, и всѣ почти примѣры на частныя правила. Для той же цѣли въ припадкѣ своего сепаративнаго патриотизма онъ не позабылъ помѣстить здѣсь же (не совсѣмъ, правда, кстати) и краткую біографію „Кобзаря“ Шевченки и историческое свѣдѣніе о числѣ Малороссовъ, о Запорожской Сѣчи и о присоединеніи Малороссіи къ Царству Московскому. Я не говорю уже о множествѣ мелкихъ сочиненій, тѣмъ же духомъ пропитанныхъ и между народомъ безвозмездно разсѣиваемыхъ услужливыми наставниками народныхъ школъ, или другими подобными лицами. Правительство, безъ сомнѣнія, знаетъ объ нихъ и, вѣроятно, уже приняло мѣры, изъять оныя изъ употребленія простодушнаго народа“.

Благочинный Малицкій писалъ Митрополиту.

„Священникъ села Скуратовъ Іоаннъ Загоровскій представилъ мнѣ Малороссійскій Букварь, подъ заглавіемъ: „Граматка за для Украинскаго люду“, между прочимъ данный Кіевскимъ учебнымъ округомъ, какъ первоначальный учебникъ для учениковъ народной школы.

По разсмотрѣніи мною сего Букваря, я нашель, что онъ: а) непримѣнимъ къ дѣлу народнаго образованія и во-

все бесполезенъ къ развитію малороссійской грамотности въ простолюдинахъ Радомысльскаго уѣзда, потому особенно, что языкъ народонаселенія сего уѣзда не украинскій-малороссійскій, но литовско-русскій, съ примѣсью словъ малороссійскихъ и польскихъ и здѣшнему народу болѣе удобопонятно нарѣчіе простонароднаго русскаго языка (съ коимъ онъ свыкъся), чѣмъ малороссійское украинское, и Букварь этотъ, заключаая въ себѣ нѣкоторыя аллегорическія стихотворенія, такъ, напр.: объ обманчивой волѣ— „Літа мої любі, милі“ и проч. на стр. 13-й, и о засѣяніи нивы волею ясною— „Не нарікаю я на Бога“ и пр. на стр. 18, можетъ быть и для Малороссійскаго простаго народа весьма вреднымъ потому, что къ содержанію помянутаго перваго стихотворенія народъ этотъ легко примѣнитъ дарованную ему царемъ свободу-волю, а содержаніе послѣдняго стихотворенія можетъ возбудить въ немъ анархію Малороссіи—ясную волю, вѣроятно, украинофилами и посѣваемую въ ней, какъ подобными книжками на малороссійскомъ языкѣ, такъ и вреднымъ народнымъ ученіемъ.

Находя должнымъ представить означенный букварь на архипастырское благоразсмотрѣніе, съ приложеніемъ къ помянутымъ двумъ лаконическимъ стихотвореніямъ моихъ переводовъ на русскій языкъ, при соблюденіи въ нихъ точнаго смысла малороссійскаго нарѣчія, честь имѣю смиреннѣйше рапортовать, что подобные сему малороссійскіе буквари, какъ мнѣ доносилъ священникъ мѣстечка Малина Василій Птицинъ, находятся и въ народной школѣ мѣстечка Малина“.

Такимъ образомъ, митрополитъ признаетъ сепаратизмомъ приведеніе краткихъ біографическихъ свѣдѣній о Т. Г. Шевченкѣ, и данныхъ о числѣ украинцевъ и указаніе на Запорожскую Сѣчь и даже упоминаніе и о присоединеніи Малороссіи къ царству Московскому; онъ также указываетъ правительству на необходимость изытія изъ обращенія народныхъ книжекъ; благочинный же заявляетъ, что стихотвореніе „Не нарікаю я на Бога“ можетъ возбудить въ Малороссіи анархію. Для того, чтобы самъ читатель могъ судить о полной несостоятельности этого не въ мѣру подозрительнаго заключенія свящ. Малицкаго, приведемъ здѣсь это чудное стихотвореніе Т. Г. Шевченки, наполненное глубокой любовью къ народу и его развитію *путемъ слова и фазума.*

„Не нарікаю я на Бога,
 Не нарікаю ні на кого:
 Я сам себе, дурний, дурю,
 Та щей співаючи... орю
 Свій переліг, убогу ниву,
 Та сію слово: добрі живива
 Колись то будуть! І дурю
 Себе таки, себе самого,
 А більше, бачиться, нікого.

Орися-ж ти, моя ниво,
 Доломъ та горою,
 Та засійся, гарна ниво,
 Волею ясною!
 Орися-ж ты, розвернися,
 Полем розстелися,
 Та посійся добрим житом,
 Долею полийся!
 Развернися-ж на всі боки;
 Ниво—десятино!
 Та посійся не словами,
 А розумом, ниво!
 Вийдуть люде, жито жати...
 Веселі живива!..
 Розвернися-ж, розстелися-ж,
 Убогая ниво!

Извѣстно, какіе драконовскіе законы (если можно назвать законами запретительный циркуляръ 1863 г. и неопубликованный, тайный указъ 1876 г.) тяготѣли надъ украинскимъ словомъ и литературой въ теченіе послѣднихъ 43 лѣтъ. Приведенные нами документы вскрываютъ другую сторону дѣла — основу тогдашней административной практики, ануллировавшей и ту ничтожную свободу, которую предоставлялъ украинскимъ литературнымъ произведеніямъ законъ: строгостей цензуры для представителей господствующей церкви оказалось недостаточно — и они подняли вопросъ объ изъятіи изъ школьнаго обращенія, разрѣшеннаго цензурой украинскаго букваря, инкриминируя ему главнымъ образомъ помѣщеніе стихотворенія Т. Г. Шевченка. И вотъ въ тиши духовныхъ канцелярій составляются обвинительные акты на невинную книжечку, — авторъ же ея — и не подозревалъ о томъ, какія опасности угрожаютъ его дѣтищу. Нѣтъ сомнѣнія, что представленіе митрополита возымѣло свое дѣйствіе, ибо самое преподаваніе по украинскимъ „грамматкамъ“ всюду было уничтожено.

Спрашивается: нужно ли удивляться, что при такихъ условіяхъ, украинская народность, удивлявшая въ XVII вѣкѣ путешественниковъ распространеніемъ среди нея грамотности, въ XVIII в. создавшая по своей инициативѣ и на свои средства огромное количество школъ, въ XIX-мъ вѣкѣ застыла въ своей культурной неподвижности, а нынѣ является одною изъ наиболѣе отсталыхъ! И не должны ли мы въ настоящее время стремиться къ коренной реформѣ прежняго строя и созданію такихъ порядковъ, при которыхъ общество, прочитавъ замѣтку, подобную настоящей, скажетъ: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“.

Проф. Д. И. Багалъй (Членъ Гос. Совѣта).

Улоты XX вѣка.

Въ то время какъ празднично настроенная страна готовилась встрѣтить первое народное представительство, старый режимъ почти накавунѣ этой торжественной встрѣчи успѣлъ набросить петлю на шею наиболѣе потерпѣвшаго отъ него элемента—сельскаго пролетаріата. 26 апрѣля опубликованы въ формѣ закона правила противъ возникновенія стачекъ среди сельскихъ рабочихъ. Моментъ выбранъ очень удачно. Занятое созывомъ Думы общественное мнѣніе и отражавшая его печать не удѣлили новому законодательному акту столько внимавія, какъ онъ этого несомнѣнно заслуживалъ; подъ шумокъ онъ прошелъ почти незамѣченнымъ, а вскорѣ и совсѣмъ былъ отодвинутъ крупными событіями общаго значенія. А между тѣмъ значеніе изданнаго подъ сурдинку и подъ такимъ скромнымъ ярлыкомъ акта—громадно. Фактически—полагая, что онъ будетъ въ дѣйствительности соблюдаться—имъ закрѣпляется самымъ рѣшительнымъ образомъ наличное аграрное положеніе на мѣстахъ въ полной неизмѣнности впредь до разрѣшенія аграрнаго вопроса въ общемъ его объемѣ, — т. е., принимая во вниманіе всю сложность этого дѣла, — чуть ли не *ad calendas graecas*. Стачка — единственная форма мирнаго, легальнаго протеста противъ злоупотребленій, противъ всѣхъ видовъ экономической несправедливости со стороны работодателя-землевладѣльца, — по отношенію къ безправному и беззащитному работнику—крестьянину—устранена. Какъ бы ни были ненормальны ихъ взаимныя отношенія, какой бы вопіюще несправедливый гнетъ не пришлось испытывать сельскимъ рабочимъ, — у нихъ отнято единственное оружіе мирной защиты своихъ правъ, — ибо нельзя же вѣдь серьезно говорить о юридической защитѣ крестьяниномъ своихъ правъ. Получилось такое подоженіе: въ переходной періодъ, продолжительность котораго неопредѣленна, крестьянинъ земли получить не можетъ; регулировать и сколько нибудь упорядочить сельско-хозяйственные заработки, на которые такъ любятъ ссылаться противники дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею, — также невозможно; легальнымъ

выходомъ изъ этого заколдованнаго круга, какъ показываютъ происходящіе на нашихъ глазахъ явленія изъ жизни деревни, можетъ быть только отчаяніе, апатія и голодная смерть, а нелегальнымъ—отчаяніе и, какъ результатъ его, грубое насилие до наиболѣе дикихъ формъ включительно. Наряду съ указанными формами видимъ, практикуется еще, преимущественно въ украинскихъ губерніяхъ, третій способъ реагирования на установившіяся невозможныя условія жизни—фактическое проведеніе сельско-хозяйственныхъ стачекъ, возникновеніе которыхъ воспрещено подъ страхомъ почти столь же суровыхъ наказаній, какъ и погромныя насилія. Предпочтеніе въ данномъ случаѣ стачки погрому вызывается, очевидно, не сознаниемъ грозящей юридической отвѣтственности, а нравственными мотивами, естественнымъ отвращеніемъ народнаго чувства отъ актовъ насилія, къ которому, однако, такъ неудержимо влечетъ его создавшееся стеченіе жизненныхъ условий.

У насъ заслужили всеобщее вниманіе и признаніе интересы фабрично-заводскаго рабочаго люда. И не удивительно: этотъ кадръ трудящагося класса сумѣлъ выдвинуть и энергично защищать свои интересы, онъ завоевалъ себѣ ту соціально-экономическую позицію, на которой теперь пребываетъ. Сельско-хозяйственные рабочіе находятся въ иныхъ условіяхъ. Они совершенно неорганизованы,—и для серьезной организаціи не хватало у нихъ до сихъ поръ достаточной степени развитія и сознательности. А кто самъ не защищаетъ своихъ интересовъ, тотъ всегда находится въ тѣни и въ конечномъ результатѣ—въ проигрышѣ. А между тѣмъ по своей количественной численности сельско-хозяйственные рабочіе во много разъ превышаютъ фабрично-заводскихъ и ужъ хотя бы съ этой стороны должны бы привлекать къ себѣ надлежащее вниманіе правительства и законодательства.

Учтеъ сколько нибудь точно численность сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, при настоящихъ данныхъ статистики, нѣтъ никакой возможности. Можно судить объ этомъ лишь приблизительно. Сельско-хозяйственные рабочіе состоятъ въ большей части изъ деревенскаго безземельнаго пролетаріата и малоземельныхъ крестьянъ. Пролетаризація крестьянства началась со времени самой реформы. Изъ 23 мил. ревизскихъ душъ получили тогда землю только 21¹/₂ мил.,— слѣдовательно, 1¹/₂ мил. душъ только мужскаго пола или около 7⁰/₁₀₀ крестьянства остались безъ земли; больше всего безземельныхъ приходилось на южныя губерніи—Таврическую (28,5⁰/₁₀₀), Бессарабію (27⁰/₁₀₀), Екатеринославскую (13,1), Курскую (10,2). Не получили также земли и военныя лица крестьянскаго сословія—безсрочно-отпускные, кантонисты, солдатскія дѣти—въ общемъ болѣе 1 милліона душъ мужск.

пола. Къ этому нужно прибавить, что болѣе 600 тыс. душъ получили такъ называемые нищенскіе надѣлы.

Увеличеніе кадровъ сельскаго пролетаріата продолжалось затѣмъ въ теченіе всего пореформеннаго періода. Упадокъ основнаго промысла страны, тяжело отразившись на благосостояніи почти всѣхъ общественныхъ классовъ, особенно подорвалъ экономическое положеніе крестьянства. Послѣднее все менѣе и менѣе находило въ земледѣліи средствъ для сколько нибудь сноснаго существованія; а разъ земля перестала быть кормилицей своего земледѣльца, между ними неминуемо порвалась даже внѣшняя связь и въ результатѣ все болѣе наслоился оторванный отъ земли сельскій пролетаріатъ. Корни этого обезземеленія лежатъ еще въ реформѣ 1861 г., когда распределеніемъ надѣльной земли по дворамъ по числу душъ мужскаго пола создано было крупное и мелкое крестьянское землевладѣніе. Эта неравномѣрность въ размѣрахъ земельныхъ владѣній дворовъ имѣла большое вліяніе въ процессѣ образованія безземельнаго пролетаріата. При отсутствіи какихъ либо серьезныхъ мѣропріятій къ подъему земледѣлія и при обиліи въ то же время всякаго рода платежей и повинностей, болѣе или менѣе безбѣдное существованіе возможно только для крупныхъ дворовъ. Затѣмъ не малое вліяніе на родъ измѣненій въ землевладѣніи крестьянъ всегда оказывалъ коллективный характеръ пользованія землею, безъ раздѣленія ея на участки, не допуская возможности улучшенія крестьянами своего матеріальнаго положенія интенсивностью культуръ, различными производствами на своей землѣ и т. п., что также требовало относительно большой площади земли для крестьянскаго хозяйства. Явленія эти имѣютъ значеніе не только при общинномъ, но и при подворно-участковомъ владѣніи. Неизмѣнность размѣра владѣнія не представляетъ здѣсь условія, гарантирующаго устойчивость землевладѣнія. Вслѣдствіе коллективнаго характера землепользованія нѣтъ и здѣсь полного распоряженія землею въ хозяйственномъ отношеніи и такъ какъ поэтому для крестьянъ невозможно интенсивное хозяйство на округленныхъ участкахъ, то и матеріальное положеніе ихъ неудовлетворительно и неустойчиво. Въ результатѣ—сдача въ аренду или продажа земли. Кромѣ того, и въ общинномъ, и въ подворномъ владѣніи не замѣчается стремленія дробить землю для надѣленія ею прироста крестьянскихъ семей, такъ что большинство новыхъ дворовъ является также въ видѣ безземельныхъ.

Такимъ образомъ, всѣ условія крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія фактически направлены къ обезземеленію значительной части крестьянскаго населенія. Какъ велико теперь число

пролетаріата,—сказать можно лишь приблизительно. Попытку такого подсчета дѣлаетъ г. Лихтинъ въ своей недавно вышедшей книгѣ „Безземельный пролетаріатъ въ Россіи“, согласно вычисленіямъ котораго, со времени реформы къ 1894 г. превращено въ безземельныхъ пролетаріевъ въ 46 губерніяхъ около пятой части наличнаго крестьянскаго населенія, а если сдѣлать необходимыя къ этому грубому вычисленію поправки,—то и около четвертой части.

Но это далеко еще не выражаетъ собою всего фактическаго числа сельскаго пролетаріата. Кромѣ совершенно безземельнаго крестьянства, существуетъ еще огромная часть крестьянства на столько малоземельнаго, что отъ перваго отдѣляетъ его лишь незначительная, болѣе формальная, чѣмъ реальная, разница. Достаточно сказать, что по послѣднимъ даннымъ статистическаго описанія Полтавской губ. въ Лохвицкомъ, напр., уѣздѣ, на каждыя 100 дворовъ въ 1900 г. приходилось 18 такихъ, что совсѣмъ не имѣли пахотной земли, и 5⁰/₁₀₀ дворовъ, имѣвшихъ менѣе десятины на душу,—такъ что ³/₄ дворовъ ни въ какомъ случаѣ не могли существовать съ своей земли и по справедливости должны быть зачислены въ сельскій пролетаріатъ; въ Золотонешскомъ уѣздѣ изъ 100 дворовъ лишь 8 было такихъ, что могли существовать отъ своей земли, а остальные 92⁰/₁₀₀ представляли или безземельный пролетаріатъ, или близкую переходную къ нему степень. Въ Кіевской и Подольской губерніяхъ въ среднемъ на душу приходится менѣе 1 десятины земли. Въ другихъ южныхъ губерніяхъ хотя и не всѣ, но все же значительная часть крестьянъ владѣтъ столь же недостаточными надѣлами *).

При слабо развитыхъ на югѣ фабрично-заводскихъ промыслахъ, за исключеніемъ лишь развѣ нѣкоторыхъ районовъ, вся эта масса безземельнаго или малоземельнаго сельскаго люда, не могущаго приложить свой трудъ на своей землѣ, ищетъ заработковъ въ сельскомъ хозяйствѣ—главнымъ образомъ на помѣщичьихъ земляхъ. Одни находятъ работу и нанимаются на мѣстахъ своего жительства—это т. н. мѣстные сельско-хозяйственные рабочіе, другіе, за недостаткомъ работы на мѣстѣ, отправляются въ поиски за работой за десятки и сотни верстъ, въ вольныя когда то, а теперь почти сплошь распашанныя степи, „на херсонські заробітки“ „Пливе щука з Кременчука, куди гліяне—трава вяне“,—эта народная поговорка-загадка указываетъ то главное русло, по которому направляются „заробітчани“: по Днѣпру, изъ Кіевской и Полтавской губерній. Но, кромѣ

*) Селянскій пролетаріат, О. Білоусенка („Нова Громада“, 1906, III).

того, много ихъ направляется и другими путями — по проселочнымъ дорогамъ, по берегу рѣкъ, по шпаламъ пѣшкомъ съ деревяннымъ „кондухторомъ“ въ рукахъ. Приливъ рабочихъ на лѣтнія заработки въ украинскія степи имѣеть за собой продолжительную традицію еще съ дореформеннаго времени. Плодородная почва, продолжительное и теплое лѣто, удобныя степныя дороги, близость устьевъ большихъ рѣкъ и портовъ; всѣ эти условія вызвали обширное развитіе здѣсь хлѣбопашества и скотоводства еще въ первой четверти минувшаго столѣтія; что издавна привлекало сюда рабочихъ.

Но особенно крупное значеніе получаетъ вопросъ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ послѣ реформы. Лишившись дароваго труда крѣпостныхъ, помѣщики были вынуждены, нанимать рабочихъ, входя съ ними въ свободную сдѣлку. Новизна этого явленія должна была преломляться въ дворянской психологій, не чуждой еще привычныхъ крѣпостническихъ традицій, самымъ опредѣленнымъ образомъ. Малѣйшій намекъ на право со стороны еще такъ недавно безправной массы вызывалъ искреннее негодованіе бывшихъ рабовладѣльцевъ. Отсюда столь единодушныя и рѣшительныя обвиненія рабочаго въ распущенности, грубости, лѣности и другихъ въ такой же мѣрѣ похвальныхъ качествахъ и столь же рѣшительныя требованія объ обузданіи сельскаго рабочаго.

На этотъ путь вступили прежде всего земства, что, какъ бы ни были велики ихъ общественныя заслуги, неоспоримо говорить о представительствѣ въ нихъ классовыхъ землевладѣльческихъ интересовъ. Южныя земства, можно сказать, были застрѣльщиками и давали тонъ по части сословно-дворянскихъ домогательствъ за счетъ сельскаго рабочаго. Воронежское губернское земство въ 1865 году ходатайствовало между прочимъ о томъ, чтобы, въ случаѣ самовольнаго ухода рабочаго, лишить его права на полученіе изъ волостнаго правленія другой рабочей книжки до тѣхъ поръ, пока не будетъ пополненъ убытокъ, причиненный нанимателю уходомъ. Ананьевское земство пошло еще дальше впередъ и постановило ходатайствовать предъ правительствомъ о томъ, чтобы рабочихъ, ушедшихъ отъ хозяевъ, подвергать штрафу и изъ накопившихся такимъ образомъ денегъ выдавать преміи тѣмъ изъ нихъ, которые въ продолженіе двухъ лѣтъ безукоризненно исполнили свои обязанности, за невысылку самовольно ушедшихъ рабочихъ, подвергать взысканію сельскія власти, послѣ третьяго побѣга, т. е. самовольнаго ухода отъ хозяина, отдавать нанимающагося въ арестантскія роты. Не менѣе опредѣленно ставило вопросъ Екатеринославское земство. „Старые порядки уничтожились, а новые еще не усвоились, честному человѣку становится

тягостиѣ, чѣмъ вору и мошеннику“,—писала въ своемъ докладѣ Екатеринославская губернская земская управа въ 1868 г.—„Экономическая сторона производительнаго труда неизмѣримо страдаетъ отъ неисполненія обязательствъ, условій и контрактовъ, поля остаются необработанными, урожаи не снятыми, несезонными и несмолоченными. Самыя выгодныя предпріятія оказываются убыточными, духъ предпримчивости гаснетъ; всюду появляется страхъ не найти или потерять рабочихъ, а потому—общая апатія, отсутствіе кредита, увеличеніе праздности, пьянства и распутства“. Избранная этимъ земствомъ коммисія пришла къ убѣжденію, что хотя „законы совершенно достаточны для охраненія правъ собственности и личности“ и правительствомъ поставлено не мало чиновъ для ихъ исполненія, но послѣдніе небрежно исполняютъ свои обязанности. Недостаточно строгое и скорое примѣненіе законовъ къ дѣлу происходитъ отъ чрезвычайно далекаго разстоянія между сферою дѣйствій полицейскихъ и другихъ лицъ, которыя должны предупредительными мѣрами охранять общественный порядокъ, и между тѣми инстанціями, отъ которыхъ они находятся въ зависимости. Для лучшаго огражденія правъ собственности и личности, коммисія считала необходимымъ такія мѣры: дарованіе предводителямъ права аттестовать полицейскихъ чиновниковъ предъ губернаторомъ; предоставленіе послѣднему права утверждать и смѣнять мировыхъ посредниковъ; совершенное измѣненіе института судебныхъ слѣдователей съ поставленіемъ имъ въ обязанность неотлагательно преслѣдовать преступленія и съ подчиненіемъ ихъ вліянію административной власти; наконецъ,—учрежденіе при мировыхъ судьяхъ за счетъ земства особой полиціи съ обязанностью сыщиковъ. Изъ 1872 г. Екатеринославское и Павлоградское уѣздныя земскія собранія поручили своимъ управамъ возбудить ходатайство объ изданіи закона, по которому нарушеніе рабочими договора о наймѣ на полевая работы приравнено было бы къ обману и влекло бы за собою уголовную отвѣтственность. О введеніи той же уголовной отвѣтственности для рабочихъ дважды ходатайствовало херсонское земство *).

Долго, хотя далеко не скучно, было бы перечислить, какими желѣзными цѣпями старалось земство сковать сельскихъ рабочихъ и превратить ихъ въ прежнихъ безгласныхъ крѣпостныхъ работниковъ. Настроеніе это, конечно, не было сплошнымъ даже въ тѣхъ земствахъ, которыя плели указанные бичи и скорпіоны. Такъ, напр.,

*) Е. Варбъ. Наемные сельско-хозяйственные рабочіе въ жизни и законодательствѣ; Г. Сазоновъ. Обзоръ дѣятельности земства по сельскому хозяйству.

гласный Екатеринбургскаго губ. земства Миклашевскій вѣрилъ такъ: „Есть ли какое либо основаніе привлекать одну сторону къ уголовной отвѣтственности, оставляя другую безнаказанной? И могутъ ли рабочіе строго смотрѣть на выполненіе обязательствъ, когда хозяинъ, общая кормить какъ слѣдуетъ, даетъ одинъ борщъ съ галушками, плавающими одна отъ другой на разстояніи аршина. „Да и можетъ ли земство, какъ представитель общественныхъ интересовъ односторонне относиться къ столь великому дѣлу“? Когда въ томъ же Екатеринбургскомъ собраніи гласный Петренко предложилъ ходатайствовать объ уголовномъ преслѣдованіи рабочихъ за уходъ съ работъ, другой гласный—Рудченко заявилъ, что было бы разумнѣе ходатайствовать о томъ, чтобы крестьяне ограждены были закономъ отъ дѣйствій хозяевъ, эксплуатирующихъ затруднительное положеніе крестьянъ и нанимающихъ ихъ при помощи зимнихъ задатковъ значительно ниже дѣйствительной цѣны.

Но эти голоса всегда оставались въ меньшинствѣ, и когда Общество сельскаго хозяйства Южной Россіи выступило въ 1884 г. съ проектомъ о наймѣ на сельскія работы, причемъ на первый планъ ставило введеніе уголовныхъ наказаній за нарушеніе договора о наймѣ,—но большинство южныхъ земствъ поспѣшило присоединиться къ этому проекту. Этотъ согласный хоръ аграріевъ, среди которыхъ замѣтно преобладали представители первенствующаго сословія, не могъ не оказать своего дѣйствія въ такое время, когда внутренняя политика вообще направлена была къ поддержанію сословныхъ и классовыхъ интересовъ дворянства. Результатомъ агитационной кампаніи и явился законъ 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы. Законъ этотъ просуществовалъ 20 лѣтъ и, очевидно, такъ отвѣчалъ интересамъ нашихъ аграріевъ, что они теперь позаботились закрѣпить его новымъ законодательнымъ актомъ—Высочайше утвержденнымъ 15 апрѣля мнѣніемъ Государственнаго Совѣта по проекту правилъ противъ возникновенія стачекъ среди сельскихъ рабочихъ. Согласно утвержденной теперь меморіи Совѣта Министровъ по проекту правилъ ст. 269¹ уложенія о наказаніяхъ въ новой редакціи, между прочимъ, общаетъ виновному въ „участіи въ публичнои скопищѣ, которое, дѣйствуя соединенными силами участниковъ, вслѣдствіе побужденій, проистекшихъ... изъ экономическихъ отношеній... учинило... принужденіе посредствомъ угрозъ къ выполненію или допущенію чего-либо, нарушающаго право или обязанность принуждаемаго или къ отказу отъ осуществленія права“... лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія.

Это кара еще сравнительно мягкая, такъ какъ она налагается пока еще, такъ сказать, за прелюдію къ стачкѣ. Стачка же, даже самая мирная,—если рабочіе, устроивъ ее, грозить другимъ рабочимъ лишь „отлученіемъ отъ общенія“,—влечетъ за собою слѣдующія чрезвычайно суровыя кары: „Сельскіе рабочіе самовольно, по соглашенію между собой прекратившіе, пріостановившіе или не возобновившіе сельскихъ работъ, къ исполненію коихъ они были обязаны договоромъ найма, виновные въ принужденіи другихъ сельскихъ рабочихъ—посредствомъ угрозъ, насилія или *отлученія отъ общенія*—къ прекращенію, пріостановленію или невозобновленію работъ... подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 6 мѣсяцевъ до одного года, или аресту на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ“.

Наибольшая кара выпадаетъ, конечно, на долю „агитаторовъ“. Виновный въ возбужденіи къ стачкѣ, если онъ не работаетъ самъ у владѣльца имѣнія, въ случаѣ успѣха своей агитаціи, подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ, а если такое возбужденіе сопровождалось угрозами, насиліемъ или „отлученіемъ отъ общенія“, то виновнаго заточать на время отъ четырехъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Затѣмъ, кто участвовалъ въ сообществѣ, поставившемъ себѣ цѣлью побудить рабочихъ къ стачкѣ, наказывается заключеніемъ въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до 4 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ.

Очень хорошій законъ. Господа землевладѣльцы должны быть весьма имъ довольны. Ихъ интересы отождествлены съ интересами общегосударственными, а ихъ хозяйства—съ предпріятіями, „пріостановленіе или прекращеніе дѣятельности коихъ можетъ угрожать безопасности государства или создать возможность общественнаго бѣдствія“, въ виду чего правительство сочло нужнымъ распространить дѣйствіе закона 2 декабря 1905 г. и на состоящій у нихъ на службѣ сельско-хозяйственный пролетаріатъ, предполагая сельскихъ рабочихъ, наравнѣ съ желѣзнодорожными и почтово-телеграфными служащими, карать за забастовку тюремнымъ заключеніемъ. Довольны ли имъ также и сельскіе рабочіе? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того положенія, въ какомъ находятся сельскіе рабочіе въ настоящее время и самый мирный протестъ противъ котораго карается по новому закону бичами и скорпіонами. Современное положеніе сельскихъ рабочихъ опредѣляется двумя факторами: юридическимъ—закономъ 12 іюня 1886 года—и т. е. фактическимъ—совокупностью условій, вытекающихъ изъ общаго соціальнаго и эко-

номическаго положенія крестьянства съ одной стороны и помѣщичьяго класса—съ другой.

Влестящій анализъ Положенія 1886 г. съ юридической стороны данъ въ цитированной уже работѣ покойнаго Я. Ѳ. Браве (Е. Варбъ), данныя же о дѣйствительномъ положеніи сельскихъ рабочихъ, находимъ, кромѣ упомянутой работы, въ трудахъ земскихъ статистиковъ и врачей, стоявшихъ близко къ этому дѣлу.

Прежде всего необходимо замѣтить, что и въ Положеніи 1886 г. и въ законѣ 1906 г., видимъ совершенно неправильное смѣшеніе гражданскаго элемента съ элементами социальными-политическими: „Во всѣхъ своихъ формахъ и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ,—говоритъ г. Браве,—личный насиль въ настоящее время является отношеніемъ частнымъ, цѣликомъ принадлежащимъ къ области гражданского права. Сообразно съ тѣмъ и возстановленіе правъ контрагентовъ по договору найма, въ случаѣ ихъ нарушенія, возможно только при помощи тѣхъ юридическихъ средствъ, тѣхъ *remedia juris*, которыя имѣются въ распоряженіи гражданскаго суда, гдѣ всякое требованіе, являясь искомъ о вознагражденіи, въ концѣ концовъ переводится на деньги, согласно юридическому принципу — *omnis actio rescipiaria esse debet*. Отступленіе отъ этихъ началъ можетъ быть допущено единственно по соображеніямъ, предсказываемымъ *salus publica, estis suprema lex*. Но въ этомъ случаѣ публичная власть подѣ особую охрану свою принимаетъ не эгоистическія выгоды той или другой стороны, а лишь такіе интересы, съ которыми связано благосостояніе всего общества“.

Между тѣмъ, государство въ данномъ случаѣ не только вмѣшивается, въ чистую область частно-гражданскихъ отношеній,—ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ хозяйства частныхъ лицъ квалифицировать какъ государственныя необходимыя предпріятія,—но и слишкомъ тенденціозно становится на одну сторону—сторону хозяевъ-работодателей, игнорируя интересы рабочихъ. Положеніе 1886 г. и подкрѣпляющій его законъ 1906 г.: ярко проникнуты этой тенденціей. Недобросовѣтность рабочаго, который получить задатки отъ нѣсколькихъ хозяевъ и не можетъ своевременно исполнить заключенныхъ съ ними условій, карается арестомъ на срокъ до одного мѣсяца. Но для нанимателя кара за такую же—и даже большую—недобросовѣтность мѣрится болѣе легкою мѣрою: за невыдачу рабочимъ платы въ условленное время онъ приплачиваетъ за каждый день просрочки по полукорѣйкѣ съ рубля недоданной суммы. За грубость противъ нанимателя и членовъ его семейства, а также за неповиновеніе нанимателю или лицу, которому ввѣренъ надзоръ за ра-

бочимъ, послѣдніе подвергаются аресту до одного мѣсяца: вмѣстѣ съ тѣмъ наниматель можетъ за грубость подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработка въ размѣрѣ двойной подневной платы. Наниматель же законъ платонически предписываетъ кротко обходиться съ рабочими—безъ всякой юридической гарантіи соблюденія этого требованія; грубое обращеніе хозяина съ рабочими не является даже для послѣдняго законнымъ поводомъ къ прекращенію условія найма; такимъ поводомъ грубость хозяина можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если она выражается въ обидѣ дѣйствіемъ или вообще въ насильственныхъ поступкахъ. Эти двѣ различныя правды—одна для нанимателя, другая для нанимаемаго проходятъ черезъ все Положеніе и выражаются или же въ прямыхъ указаніяхъ закона, клонящихся къ пользѣ хозяина, или въ умолчаніи о тѣхъ гарантіяхъ, какими могли бы быть обезпечены интересы рабочаго, и о тѣхъ сторонахъ ихъ быта, игнорированіе которыми со стороны хозяевъ клонится безусловно ко вреду рабочихъ. Такъ, здѣсь нѣтъ никакихъ постановленій относительно продолжительности рабочаго дня, нѣтъ положительныхъ требованій о принятіи землевладѣльцами мѣръ къ защитѣ сельскихъ рабочихъ отъ поврежденій машинами, нѣтъ правилъ о помѣщеніи рабочихъ и хотя имѣются нѣкоторыя положительныя требованія относительно питанія и лѣченія рабочихъ, но исполненіе этихъ требованій не подкрѣплено никакими взысканіями, которыя такъ обильно сыплются здѣсь на голову рабочаго. „Конечно,—говорить по этому Н. А. Соколовскій,—дурно дѣлаетъ рабочій, отказавшійся до истеченія условленнаго срока отъ работъ; но едва ли не большую степень нравственной распушенности проявляетъ нанпматель, какой бы профессіей онъ ни занимался, не уплачивающій, въ нарушение условія, цѣну исполненнаго труда, или обременяющій рабочихъ непосильнымъ трудомъ, или предоставляющій рабочимъ, взамѣнъ удобообитаемыхъ жилищъ, хлѣвы, сподручныя четвероногимъ. Если публичная власть признаетъ необходимымъ своимъ вѣдѣтельствомъ охранять интересы нанимателей отъ произвола и распушенности рабочихъ, то не представляется достаточнаго основанія ни во имя справедливости, ни даже во имя процвѣтанія отечественной производительности, для отказа во всѣхъ подобающихъ случаяхъ въ охраненіи интересовъ рабочихъ со стороны той же публичной власти. Напротивъ, только равенствомъ передъ закономъ и судомъ какъ той, такъ и другой стороны можно установить добрыя нравы и отношенія къ явной выгодѣ отечественной производительности; при этомъ если равномерность возмездія не будетъ отвѣчать вождѣльнѣямъ той или другой партіи, мечтающій о закрѣпощеніи народнаго

труда, то во всякомъ случаѣ растить и поощрять такія вождельнія никакимъ образомъ не можетъ входить въ задачи уголовного кодекса *)).

Всѣ эти факты даютъ основаніе къ тому безспорному выводу, что законъ 1886 г. имѣлъ въ виду исключительно классовые и сословныя интересы земельного дворянства, которому этимъ закономъ дано въ руки могущественнѣйшее орудіе экономического подавленія почти поголовно нуждающуюся въ заработкахъ крестьянской массы; орудіе это имѣеть слишкомъ многостороннее значеніе: оно и угрожаетъ уголовной карой, и бьетъ рублемъ—вслѣдствіе предоставленнаго панимателямъ права производить безапелляционно вычеты у рабочихъ, и вообще отдасть рабочаго въ кабалу землевладѣльцу—въ виду слишкомъ большихъ для рабочаго препятствій къ нарушенію договора.

Но можетъ быть отношенія помѣщиковъ и сельскихъ рабочихъ такъ идеально хороши, что въ сущности законъ, какъ бы онъ суровъ ни былъ, остается мертвой буквой при установившихся патріархальныхъ отношеніяхъ? Чтобы не заслужить упрека въ голословности, укажемъ хотя на главнѣйшія стороны жизни сельско-хозяйственныхъ рабочихъ—на ихъ помѣщеніе, питаніе, лѣченіе и др.

Извѣстный земскій врачъ Н. И. Тезяковъ изъ осмотрѣвшихъ имъ 30 экономій въ Херсонской губ. нашелъ спеціально построенныя для рабочихъ казармы только въ 14-ти. Во всѣхъ же остальныхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ служатъ — обыкновенныя экономическія кухни или же такъ называемыя черныя хозяйскія кухни, обыкновенно очень небольшихъ размѣровъ, при совершенно недостаточномъ количествѣ воздуха и свѣта; въ одной изъ такихъ кухонь-казармъ полъ земляной, съ глубокими выбоинами, полуразрушенный потолокъ грозитъ постоянно обваломъ, нары, расположенныхъ по одной сторонѣ казармы, — узкія и грязныя; въ другой экономіи, гдѣ рабочихъ бываетъ 200 - 300 человекъ, имѣется казарма лишь для 20 человекъ, и только для семейныхъ рабочихъ даются особыя помѣщенія рядомъ со свинятниками и подъ одной съ ними крышей; въ одной экономіи, въ которой лѣтомъ работаютъ нѣсколько сотъ человекъ, а на зиму остается около ста годовыхъ и сроковыхъ рабочихъ, жилищный вопросъ разрѣшается всего проще: здѣсь для рабочихъ вовсе нѣтъ никакого помѣщенія. Немногимъ лучше положеніе тѣхъ рабочихъ, для которыхъ имѣются спеціальныя казармы. По большей части здѣсь не можетъ быть рѣчи не только о какихъ либо примитивныхъ удобствахъ, но даже просто о приспособленности этихъ казармъ для жилья. „Мы встрѣчали, — говоритъ завѣды-

*) Н. Соколовскій. Уголовное Уложеніе („Рус. Бѣг.“, 1896, V).

павшій санитарно-продовольственнымъ пунктомъ г. Писнячевскій, — богатѣйшія экономіи (комиссаровская, напр., Екатеринославской губ., — гдѣ рядомъ съ конюшнями, освѣщавшимися электричествомъ, рабочіе принуждены были спать въ цовалку на полу въ страшномъ грязныхъ свинятникахъ“. Особенно большія неудобства въ казармахъ создаются присутствіемъ здѣсь варистыхъ печей. При варкѣ пищи въ значительныхъ размѣрахъ образуется паръ, который, постоянно сгущаясь на холодныхъ стѣнахъ помѣщеній, поддерживаетъ въ послѣднихъ влажность. Если при этомъ припомнить еще, что здѣсь же надъ нами рабочіе развѣшиваютъ свое грязное мокрое платье для просушки, то не трудно себѣ представить, — говорить д-ръ Тезяковъ,—пропитанную невозможными міазмами атмосферу, въ которой на грязныхъ нарахъ, на грязной соломенной подстилкѣ, прикрываясь также грязнымъ, а иногда и сырымъ кожухомъ, вполнѣную располагаются на ночлегъ рабочіе, измученные дневною работою, нерѣдко мужчины и женщины рядомъ“.

Питаніе рабочихъ находится не въ лучшемъ положеніи. Въ Николаевскомъ уѣздѣ въ одной крупной экономіи, гдѣ число рабочихъ во время уборки хлѣба достигаетъ 1,000 чел., въ погребѣ найдено совершенно разложившееся мясо, тухло-гнилостнаго запаха. Такое же мясо найдено было варенымъ въ котлѣ, въ печкѣ; въ другой экономіи кормятъ горькимъ, недопеченымъ, гнилымъ хлѣбомъ, покрытымъ плѣсенью. Борщъ готовится съ „собачкой“ — безъ всякаго навару, такъ что собака, заглянувшая въ котель, отражается на поверхности борща, какъ въ зеркалѣ. Вообще, „кормятъ рабочихъ, — говоритъ г. Писнячевскій,—отвратительно. Мясо и рыбу, да и то протухлую и рѣдко безъ червей, даютъ только на заговѣны. Хлѣбъ или, какъ его рабочіе называютъ, „кизякъ“, бываетъ чернѣй земли... всегда сухой. Печется изъ отрубей или же муки, намолотой изъ зерна, которая остается подъ вѣялкой съ куколемъ и другими отбросами. Нерѣдко въ хлѣбѣ попадаютъ тараканы, стоноги и проч. прелести. Каша и кулешъ варятся сплошь-да-рядомъ не изъ пшена, а изъ проса—прямо въ шелухѣ... и въ видѣ роскоши... съ картошкой „въ мундпрахъ“. Галушки, которыми закармливаютъ рабочихъ особенно на югѣ, тоже варятся изъ отрубей или муки, никогда сита невидѣвшей... поэтому часто бываютъ съ торчащими отстоями. Такія галушки голодный юморъ окрестилъ „небритами“. Къ тому же и готовится все это крайне неряшливо — въ немытыхъ по недѣлямъ котлахъ и горшкахъ. Изъ нихъ принимать пищу физически невозможно. Не лучше и съ водой дѣло обстоитъ... особенно въ Украинскихъ стѣнахъ, гдѣ колодцевъ очень мало и воду иногда

приходится возить чуть не за десятки верстъ. Чтобы не терять много времени на доставку ея, хозяева выкапываютъ большія ямы, обкладываютъ ихъ камнями, заливаютъ цементомъ и въ этихъ цистернахъ дѣлаютъ запасы. При жарѣ вода въ нихъ протухаетъ иногда до того, что не только пить, но и умываться ею невозможно“.

Въ результатѣ всего этого среди рабочихъ страшно развиваются желудочныя заболѣванія, куриная слѣпота, сильно выраженное переутомленіе, постоянная лихорадка и даже цынга. Въ одномъ, напр., Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. въ годъ, благодаря сильнымъ приливамъ сельскохозяйственнаго пролетаріата, бываетъ цынготныхъ, болѣе чѣмъ въ трехъ вмѣстѣ взятыхъ губерніяхъ — Могилевской, Курской и Воронежской. Александровскій земскій врачъ Кондорскій пишетъ, что въ одной экономіи, гдѣ кормили особенно отвратительно, онъ нашелъ цѣлыхъ 5 больныхъ цынгой. На работѣ заболѣваетъ обыкновенно $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ всего количества рабочихъ, тогда какъ въ дорогѣ $\frac{1}{2}$. Распространенію заразныхъ болѣзней среди рабочихъ въ значительной мѣрѣ способствуетъ то, что имъ приходится жить цѣлое лѣто или совершенно подъ открытымъ небомъ, при чемъ въ дождливую весеннюю или осеннюю погоду не всегда позволяютъ и солону жечь для того, чтобы согрѣться, пли же въ такихъ, какъ уже упоминалось, антигигіеническихъ жилищахъ — конурахъ, гдѣ порядочный хозяинъ свиньи не держалъ бы. Хозяева, хотя и являются дѣйствительными виновниками заболѣваній среди рабочихъ, нисколько не считаютъ себя обязанными лѣчить ихъ, а просто изгоняютъ ихъ изъ экономій, своеобразно пользуясь ст. 58 положенія о наймѣ, по пункту 7 которой панимателю предоставляется право прекратить договоръ до срока найма, если у рабочаго обнаружится „прилипчивая или заразная болѣзнь“. Если же заболѣвшій рабочій не изгоняется, а временно находится въ лѣчебницѣ, то изъ платы ему дѣлаются вычеты за время болѣзни, но при этомъ — „вычеты эти дѣлаются за прогульные дни не по средней стоимости дня, опредѣленной изъ общей сроковой платы, что еще было бы допустимо, а по поденной цѣнѣ того времени, въ продолженіе котораго рабочій находился въ больницѣ“ *).

Медицинская помощь сельско-хозяйственнымъ рабочимъ, питаніе и пріютъ безработныхъ поставлены вообще ужасно. Въ этомъ отношеніи самое постыдное равнодушіе оказываютъ не только землевла-

*). Е. Варбъ. Наемные с.-х. рабочіе; Н. Тезяковъ. Сельско-хозяйственные рабочіе; В. Приснячевскій. Найманіе робітники въ сільскому господарстві („Нова Громада“, 1906 г V.) и С.-х. рабочіе и новый законъ („Наша Жизнь“), апрѣль).

дѣльцы, но и земства, которыя, какъ учрежденія общественныя, повидимому, должны быть ближайшимъ образомъ заинтересованы какъ въ томъ, чтобы постоянный и правильный приливъ рабочихъ обеспечивалъ своевременную уборку хлѣбовъ и тѣмъ самымъ—исправность земскихъ плательщиковъ, такъ и въ томъ, чтобы при наличности рабочаго прилива гарантировать населеніе отъ заразныхъ болѣзней, возникающихъ среди рабочихъ. Наиболее активнымъ въ послѣднемъ отношеніи является херсонское земство; но какъ недостаточна его дѣятельность въ этомъ отношеніи,—можно видѣть изъ отчета завѣдующаго лѣчебно-продовольственнымъ пунктомъ въ самомъ Херсонѣ С. Н. Хлѣбникова *). „Что касается удовлетворительности помѣщенія, то мнѣ кажется,—говоритъ г. Хлѣбниковъ, — едва ли можно что придумать менѣе удовлетворительное для потребностей лѣчебно-продовольственнаго пункта въ *губернскомъ городѣ*, какъ эти навѣсы съ рѣшетчатой крышей изъ прогнившихъ досокъ и покосившимися стѣнами, сколоченными на живую руку изъ горбылей, съ массой щелей, дыръ, изъ которыхъ при малѣйшемъ вѣтеркѣ на площади сыплется уйма пыли. При такомъ неудовлетворительномъ состояніи помѣщенія, работать въ амбулаторіи въ первое время, пока она еще ремонтировалась, — а это совпало какъ разъ съ ярмаркой,—было почти невозможно: лѣкарства, инструменты, перевязочные матеріалы, больные и лѣчащіе ихъ—все покрывалось густою слою пыли. Пыли было такъ много, что, напр., бѣлая цинковая мазь превратилась за 3—4 дня въ сѣрую, а такъ называемая сѣрая мазь въ темную, іодоформенная же желтая—въ темную. Непріятно было смотрѣть на помѣщеніе, гдѣ находилась кухня и гдѣ обѣдали и пили чай рабочіе. Въ теченіе всего лѣта, за исключеніемъ развѣ дождливыхъ дней, и здѣсь и тамъ всегда стояла пыль. Какъ кухарь ни старался вести чисто стряпню, но при той массѣ пыли, какая попадала сюда, всѣ его старанія не привели ни къ чему: и хлѣбъ, и пища покрывались толстымъ слою пыли. Дырявые навѣсы по виду только исполняли свое назначеніе. Не защищая рабочихъ отъ пыли, столь же мало защищали они ихъ отъ дождя. Въ дождливые дни они, какъ сельди въ боченкѣ, набивались подъ навѣсы, способные вмѣстить, однако, не болѣе 400—500 человекъ, но, благодаря рѣшетчатой крышѣ, промокали насквозь“.

„Но мы все таки лѣчили,—говоритъ тотъ же врачъ: — давали съ пылью лѣкарства и перевязывали пропыленной марлей и ватой и раны и язвы“.

*) Врачебная Хроника Херс. губ., 1899 г. № 13.

Не очевидно ли,—какъ много губится народнаго здоровья при такихъ нечеловѣческихъ условіяхъ жизни и при такомъ лѣченіи! И подумать, — за то только неслыханное преступленіе, что рабочій, спасаясь отъ голода, ищетъ работы для своихъ рукъ. „Нужно,—говоритъ Н. И. Тезяковъ,—хоть немного сочувствія къ этой много-миліонной массѣ, гонимой постоянной нуждой за десятки, сотни верстѣ въ поиски за работой, за кускомъ хлѣба, нужно видѣть, какое отчаяніе царитъ среди этой массы при слабомъ спросѣ на рабочія руки; нужно, наконецъ, взглянуть на цифры отчетовъ дешевыхъ столовыхъ, свидѣтельствующія о томъ, что большинство рабочихъ имп не пользуется, за неимѣніемъ за душою и тѣхъ пятаконъ, которые нужны для уплаты за обѣды,— чтобы разъ навсегда умолчать съ подобными обвиненіями (въ даровой помощи). Какъ ни сильно хохлацкое упрямство, какъ ни обидно оставлять за собою такую массу зря потраченныхъ дней, какъ ни стыдно возвращаться домой съ пустыми руками, но многіе рабочіе идутъ домой, исходивъ уже всѣ базары, растративъ всѣ свои гроши и потерявъ всю надежду гдѣ либо наняться... Не слѣдуетъ конечно, закрывать глаза передъ фактами, гласящими, что рабочіе иногда дѣйствительно оставляютъ на произволъ экономин, что въ нѣкоторыя хозяйства они даже избѣгаютъ наняться; но это не потому, что есть на рынкахъ для рабочихъ дешевыя столовыя, а по совершенно инымъ мотивамъ“.

Мотивы эти слишкомъ разнообразны. Кромѣ указанныхъ уже прижимокъ такъ сказать матеріальнаго свойства, есть много и другихъ, болѣе тонкихъ, разсчитанныхъ на глубокое униженіе личности и человѣческаго достоинства рабочаго. Въ газетахъ въ свое время сообщалось въ свое время о договорѣ съ рабочими помѣщика, который, напр., требовалъ, чтобы при встрѣчѣ съ нимъ, его женою и дѣтьми рабочій отходилъ за двадцать шаговъ въ сторону и стоялъ безъ шапки, вытянувшись въ струнку до тѣхъ поръ, пока господа не пройдутъ мимо; величать господъ, не исключая и грудныхъ дѣтей ихъ, разрѣшается по этому договору не иначе какъ „бояринъ Н. Н.-чъ; проходя мимо барскаго дома, хотя бы въ окнахъ никого не было видно, рабочій все-таки обязывался снять шапку и надѣть ее могъ не раньше какъ за шаговъ 20—30; несоблюденіе всѣхъ этихъ и другихъ проявленій „холопской покорности“ (буквальное выраженіе) влекло за собою денежный штрафъ и арестъ по распоряженію „болярина“. Но это злобное издѣвательство—просто невинная забава въ сравненіи съ тѣми изобрѣтеніями, въ какихъ искусились теперь наиболѣе именитые и голосистые боляре. „Свобод.

Слово " персдаеть прямо-таки невѣроятныя свѣдѣнія о томъ, какъ обращаются съ рабочими въ нижній членъ государственнаго совѣта, губернскаго предводителя дворянства князя П. Н. Трубецкаго. Рабочій день 21 часъ непрерывнаго, тяжелаго труда. Кормятъ рабочихъ самымъ ужаснымъ образомъ. На виноградникахъ князя, въ Херсонской губерніи во время работъ на рабочихъ одѣваютъ парусиновые намордники, чтобы лишить ихъ возможности ѣсть виноградъ. Намордники рабочіе не вправѣ свимать, а когда является потребность утолить жажду и выпить воды, то прикащикъ самъ снимаетъ намордникъ, а затѣмъ снова натягиваетъ его на рабочего, Управляющій буквально издѣвается надъ рабочими и нерѣдко бьетъ ихъ нагайкою.

Особенно велики притѣсненія и издѣательства надъ рабочими въ тѣхъ случаяхъ, когда они почему либо уже не нужны хозяевамъ. „Если,—говоритъ г. Писнячевскій,—рабочаго ни штрафами, ни скверной пищей, ни лишней работой не удастся принудить, какъ говоритъ новый законопроектъ, къ „прекращенію работъ“—къ забастовкѣ“, то прибѣгаютъ къ самымъ звѣрскимъ побоямъ, причеиъ бьютъ не только кулаками и сапогами, но и чѣмъ попало, и куда попало. Бьютъ чаще всего однючекъ дѣвущекъ и мальчиковъ-подростковъ потому, что отъ нихъ меньше всего сдачу можно получить. Въ прошломъ году къ намъ на пунктъ принять 16—17-лѣтній паренъ съ вывихомъ и съ жалобой на мѣстнаго „адвоката“ Ч., который не только избилъ и прогналъ его, но не хотѣлъ возвращать ему ни денегъ, ни паспорта. Наводя стороной справки, мы узнали, что „адвокатъ“, уювая на свою профессию, давно уже такъ „специализируетъ“, и что ни одна прислуга у него долго иробыть не можетъ. Письменнаго договора у рабочаго, конечно, не было. И только угрозой привлечь къ суду за „побои и увѣчья“ намъ удалось вырвать у „специалиста“ деньги, паспортъ и одежду потерпѣвшаго. Наглость этихъ господъ часто доходитъ до того, что они, отпуская всю партію, задерживаютъ въ извѣстныхъ цѣляхъ дѣвущекъ тѣмъ, что не даютъ имъ паспортовъ и заработанныхъ денегъ“.

Положеніе женщинъ-работницъ на табачныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ слишкомъ общезвѣстно, чтобы объ этомъ нужно было говорить.

Россия—страна по-преимуществу крестьянская и земледѣльческая. Какъ мы видѣли, пятая, а, пожалуй, даже и четвертая часть крестьянства совершенно лишена своей земли, хотя вообще же порвала съ занятіемъ земледѣльческимъ промысломъ. Остальная часть крестьянства, за небольшими въ общей его массѣ исключеніями, также не можетъ жить отъ своей земли. Крестьянское населеніе въ виду этого

по ставлено въ безвыходную необходимость искать заработковъ на помѣщичьихъ земляхъ. Какъ же ему реагировать въ этомъ случаѣ на требованія закона 1886 г., предоставляющаго землевладѣльцу всѣ права, а ему, крестьянину, всѣ обязанности, подѣ часть даже неисполнимыя? Какъ ему защищаться противъ тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій, которыя преслѣдуютъ его на каждомъ шагу и которыми проникнута вся кабальная, рабовладѣльческая система сельско-хозяйственнаго найма? Мазалось бы, единственно возможный въ данномъ случаѣ путь для защиты своихъ интересовъ и безспорныхъ правъ—это путь мирной экономической борьбы. На Западѣ этотъ путь далъ уже положительные результаты. По даннымъ, приводимымъ въ недавно вышедшей книгѣ г. Тотоміанца („Формы аграрнаго движенія“), въ Италіи, напр., гдѣ съ 1 января 1901 г. по 31 марта 1902 г. произошло 360 сельско-хозяйственныхъ стачекъ, при чемъ число участниковъ аграрныхъ стачекъ въ 1901 г. равнялось 223 тыс. человекъ (тогда какъ въ промышленныхъ стачкахъ въ этомъ году принимало участіе только 197 тыс. чел.), стачки вообще имѣли большей частью полный или частичный успѣхъ и лишь $\frac{1}{4}$ часть ихъ закончилась полнымъ пораженіемъ рабочихъ; чистый выигрышъ рабочихъ отъ стачекъ исчисляется приблизительно 4 милліонами лиръ. Наше крестьянство въ своей массѣ настолько за послѣднее время созрѣло, что могло бы вопліть цѣлесообразно и продуктивно использовать это средство мирной экономической борьбы. Успѣхъ рабочихъ въ этомъ случаѣ не только не содержитъ въ себѣ ничего вреднаго съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, но даже безусловно въ этомъ отношеніи полезенъ; улучшеніе положенія рабочихъ не уменьшитъ богатства страны, а вызоветъ лишь нѣсколько иное его перераспредѣленіе; уменьшится рента собственника, но увеличится заработокъ рабочаго. А это у насъ, при нашей системѣ обложенія, когда главнымъ плательщикомъ налоговъ является многомилліонная крестьянская масса, можетъ быть только желательно.

Но вотъ является на сцену новый законъ 15 апрѣля 1906 г. и, ставя непреодолимыя препятствія къ мирному и легальному разрѣшенію стараго спора между сельскимъ хозяиномъ и рабочимъ, тѣмъ самымъ толкаетъ послѣдняго на другой путь, наименѣе желательный для обѣихъ сторонъ,—на путь погромнаго движенія.

Къ какимъ это приведетъ окончательнымъ результатамъ, вопліть покажетъ будущее. Но и настоящее уже представляетъ по этому поводу достаточно краснорѣчивые факты.

А. Лотоцкій.

Жа Украихъ.

Уже второй годъ въ деревнѣ идетъ реализація того внутренняго процесса, который продолжался и накоплялъ скрытую энергію въ течение многихъ лѣтъ и десятилѣтій. Развиваясь въ ненормальныхъ условіяхъ высокаго давленія, эта энергія крестьянской массы прозила принять въ своемъ выраженіи слишкомъ напряженныя и разрушительныя формы—въ видѣ реакціи прежнему угнетенному и подавленному положенію крестьянства. И дѣйствительно, въ аграрномъ движеніи прошлаго года видимъ симптомы, подтверждающіе такого рода опасенія,—движеніе часто принимало погромный характеръ. Но если прослѣдить постепенное развитіе движенія, то нельзя не видѣть, что этотъ послѣдній характеръ оно пріобрѣтаетъ собственно уже во второй половинѣ минушаго года—осенью; первоначально же, въ теченіе всей весны и лѣта 1905 г., оно большею частью не выходило за рамки хозяйственныхъ требованій и выражалось въ формѣ петицій, приговоровъ, попытокъ организаціи кружковъ и союзовъ, а къ началу осени совѣтъ было даже затихло. Проснувшись въ октябрѣ съ новой силой, крестьянское движеніе не оставляетъ самыхъ серьезныхъ попытокъ вылиться въ мирныя формы, лучшимъ доказательствомъ чего является учрежденіе крестьянскаго союза, выразившаго суровое осужденіе аграрнымъ погромамъ. Но всѣ эти попытки вылить крестьянскія настроенія и требованія въ закономѣрныя формы встрѣчали на пути своемъ непреодолимыя препятствія. Систематическая травля интеллигентныхъ силъ, стоявшихъ близко къ народной средѣ и сдерживавшихъ непосредственныя порывы ея негодованія и отчаянія, звѣрскія избіенія крестьянъ, нашедшія для себя классическое выраженіе въ извѣстной филоновской эпопее, — непреодолимо мѣшали тому, чтобы мирная форма крестьянскаго движенія получила естественное развитіе. По отношенію же къ крестьянскому союзу администраціей предприняты были энергическія попытки „раздавить его въ самомъ зародышѣ“ и, хотя онъ вообще оказался за предѣлами административной досягаемости, но все же нормальная дѣятель-

ность его была нарушена и многіе дѣятели его оказались въ узникахъ, въ которыхъ иные пребываютъ и до сихъ поръ (напр., Мазуренко, Щербакъ, Танъ).

Все это должно было въ высшей степени сгущать и безъ того напряженную атмосферу настроенія крестьянской массы. Наблюдатели народной жизни указываютъ на очень тревожный характеръ этого настроенія. „Наша близорукая администрація, пишетъ харьковскій корреспондентъ „Н. Ж.“, все еще не можетъ понять, что крестьянинъ проснулся и не нуждается въ опорѣ и помочахъ; агитація нужна была раньше, а теперь она представляется излишней. Тотъ, кто бывалъ въ деревнѣ въ послѣднее время, не можетъ не согласиться съ нами. Событія послѣдняго времени подготовили крестьянскую массу, которая ожидаетъ только сигнала, чтобы броситься на защиту поправныхъ правъ“.

Такихъ сигналовъ въ послѣднее время было черезчуръ много. Однимъ изъ наиболее дѣйствительныхъ оказалось изданіе закона 15 апрѣля 1906 г. о сельско-хозяйственныхъ стачкахъ—какъ разъ передъ началомъ земледѣльческихъ работъ. Въ одной изъ статей настоящаго № „Украинскаго Вѣстника“ („Илоты XX-го вѣка“), читатели найдутъ указанія, въ какое положеніе юридически и фактически ставить законъ 15 апрѣля многомилліонную массу сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, лишенныхъ теперь, въ силу этого закона, всякой возможности отстаивать свои права и экономическіе интересы.

„Теперь работникъ,—справедливо замѣчаетъ „Громадська Думка“,—этимъ закономъ будетъ опутанъ со всѣхъ сторонъ, и куда ни повернись,—ведѣтъ его ждетъ или тюрьма, или арестантскія роты, или крѣпость. Теперь уже работникъ никакимъ способомъ не можетъ бороться за лучшую долю, даже мирнымъ путемъ, безъ всякаго шума, ибо новый законъ можетъ подвести подъ бунтъ всякій поступокъ и всякое слово по этому поводу“.

На крестьянъ новый законъ произвелъ такое именно впечатлѣніе, какъ и нужно было ожидать. Въ Верхнеднепровскомъ уѣздѣ (Екатеринослав. г.),—по словамъ „Ю. З.“,—законъ о сельско-хозяйственныхъ стачкахъ, передаваемый изъ устъ въ уста, пугаетъ крестьянъ-рабочихъ и рисуется имъ чѣмъ то вродѣ крѣпостного права. Рабочій не можетъ понять, какъ это его могутъ заставить работать противъ его желанія. Первые случаи практическаго приложенія закона о стачкахъ вызвали большое возбужденіе среди сельскихъ рабочихъ.

„Особенно сильно подѣйствовалъ, на рабочихъ, слухъ о забастовкѣ въ имѣніи Шубина, гдѣ рабочихъ, за то, что они попросили улучшить пшцу, заставили подъ угрозой наказанія приступить къ

работамъ, а шестерыхъ арестовали. „Что же это, — говорятъ многіе, — насъ будутъ кормить, какъ собакъ, а мы должны молчать; а заговорить — въ тюрьму“?. И вотъ, во избѣжаніе такихъ недоразумѣній, рабочіе предпочитаютъ совсѣмъ не заниматься. При томъ предполагаемый въ этомъ году необыкновенный урожай даетъ надежду каждому изъ нихъ какъ-нибудь прокормиться, такъ какъ почти всякій рабочій вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣлецъ“.

Крестьянское стачечное движеніе охватило почти всѣ южныя украинскія губерніи. Въ министерство внутреннихъ дѣлъ стали поступать, какъ сообщаетъ „Дума“, тревожныя свѣдѣнія о стачкахъ крестьянскаго населенія, отказывающагося отъ работъ по уборкѣ хлѣба и на покосахъ у землевладѣльцевъ. Сообразно съ различными мѣстными условіями, и стачка эта выражается въ различныхъ формахъ. Въ однихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Херсонской и Бессарабской губ., крестьяне рѣшили не выходить на сельскія работы, пока не будутъ удовлетворены ихъ требованія, причемъ требованія эти еще не установлены, такъ какъ виды на урожай тамъ улучшаются съ каждымъ днемъ, а потому тѣмъ дальше, тѣмъ и требованія будутъ повышены. Въ тираспольскомъ, анычевскомъ, елисаветградскомъ уѣздахъ, — по сообщенію „Рѣчи“, — происходятъ крестьянскіе митинги; обсуждаютъ общее политическое положеніе и судьбу аграрнаго вопроса въ Думѣ. Крестьяне приглашаются устраивать поуѣздные областныя сѣзды. Урядники и стражники охотятся за такими митингами. На этой недѣлѣ въ тираспольскомъ уѣздѣ захвачено одиннадцать крестьянъ, не успѣвшихъ разбѣжаться. Въ крупныхъ экономіяхъ растетъ организованное стачечное движеніе; надѣются въ виду великолѣпнаго урожая и усиленнаго спроса на рабочія руки.

Въ Кіевской и Подольской губерніяхъ крестьяне также готовятся къ генеральной стачкѣ во время уборки хлѣбовъ. Происходятъ областныя конференціи крестьянъ въ видахъ объединенія. Организуются стачечныя комитеты, вырабатываются и согласовываются по районамъ цѣны за уборку хлѣбовъ. Забастовки на свекловичныхъ плантаціяхъ, конференція рекомендуетъ устранивать при первой возможности, въ видахъ пріученія населенія къ организованному выступленію. Оживленно обсуждаются вопросы о борьбѣ съ штрейкбрехерами. Въ Могилевскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи — забастовка рабочихъ охватила цѣлый рядъ имѣній. Агитаторами являются обыкновенно молодые люди; они ходятъ группами въ нѣсколько человекъ по селамъ, созываютъ рабочихъ и уговариваютъ ихъ не приниматься за работы, пока землевладѣльцы не исполнятъ требованій объ увеличеніи платы.

Въ нѣкоторыхъ селахъ предъявляются къ землевладѣльцамъ и другія требованія, вродѣ допущенія къ свободному выпасу и др.

Въ Житомирѣ также со всѣхъ концовъ губерніи летятъ вѣсти объ аграрныхъ волненіяхъ.

Плохія извѣстія, по словамъ „Накавунѣ“, получаютъ и изъ уѣздовъ Харьковской губ. Настроеніе рабочаго и крестьянскаго населенія тревожное. Многіе, довольно крупные помѣщики въ этомъ году всѣ полевые работы по уборкѣ хлѣба и сѣна рѣшили передать мѣстнымъ крестьянамъ, предоставляя имъ за такого рода работу извѣстную часть хлѣба и сѣна. Отъ найма рабочихъ на лѣтнія работы многіе воздерживаются. Контингентъ безработныхъ увеличивается, не мало ихъ есть и въ деревняхъ. Въ имѣнія зачастую безработные приходятъ цѣлыми группами и требуютъ помощи, которая, по возможности, и оказывается. На сахарныхъ заводахъ, особенно въ имѣніяхъ Харитоненко, раньше трудъ мѣстныхъ крестьянъ, занимающихся извознымъ промысломъ, страшно эксплуатировался; бураки и уголь на заводы доставлялись по баснословно дешевой цѣнѣ. Недавно крестьяне „забастовали“. Въ настоящее время извозная плата повышена.

Въ другихъ мѣстахъ (напр., въ Черниговской губ.) крестьяне рѣшаютъ вообще не идти на сельскія работы, къ землевладѣльцамъ и устанавливаютъ кормить общими силами всѣхъ батраковъ, чтобы они не шли наниматься къ землевладѣльцамъ („Дума“).

Главный пунктъ, на который направлены всѣ усилія бастующихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, — нормировка цѣнъ на рабочія руки самими рабочими. Имѣются свѣдѣнія, что крестьяне на отрѣзъ отказываются работать у помѣщиковъ на условіяхъ, ими предлагаемыхъ: организуются забастовочные комитеты, которые должны будутъ устанавливать цѣны на рабочія руки и слѣдить за тѣмъ, чтобы ниже установленной нормы крестьяне не работали. Переговоры свои крестьяне, — какъ сообщаетъ „Дума“, — подкрѣпляютъ честнымъ словомъ или положеніемъ къ чтимой мѣстной иконѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они выносятъ рѣшенія на сельскихъ и волостныхъ сходахъ и составляютъ надлежащіе приговоры; наконецъ, были даже попытки устроить совѣщаніе делегатовъ-крестьянъ отъ селъ и деревень цѣлаго уѣзда. Последнее особенно наблюдается въ Киевской и Подольской губ., гдѣ крестьяне очень упорны въ своихъ замыслахъ, несмотря на противодѣйствіе всякихъ чиновъ сельской администраціи. Злѣсь, вообще, идетъ движеніе въ пользу повышенія поденной заработной платы. По сообщенію корреспондента „Киевской Зари“, крестьяне почти вездѣ высказываются за требованіе 50 коп. поденной заработ-

ной платы и 8—9 часовъ работы. Въ большинствѣ случаевъ помѣщики поспѣшили пойти на уступки. Въ Романовкѣ повышена плата съ 30 коп. на 40; въ Кошлякахъ съ 30 к. на 40; въ Почуйкахъ съ 25 на 30 (понижали цѣну прїѣзжіе рабочіе); въ Голякахъ съ 20 к. на 35 к. и т. д.; въ Дидовщинѣ на компромиссы не пошли и стоятъ на 50 коп. Во многихъ мѣстахъ это далось упорной борьбой, такъ, напр., въ Голякахъ, помѣщикъ объявилъ 25 коп., рабочіе—50. На другой день „панъ“ привезъ чужихъ. Голяковцы убѣдили тѣхъ присоединиться къ забастовкѣ! Затѣмъ „панъ“ привезъ изъ другого села—повторяется таже исторія. Въ концѣ концовъ Голяковцы согласились на 35 коп.

По телеграммѣ петербургскаго агенства отъ 6 іюня, въ большинствѣ уѣздовъ Киевской и Подольской губерній крестьянами выработана для уборки хлѣбовъ слѣдующая такса: косарю 2 рубля, жницѣ—рубель, а вязальщицѣ 50 коп. за копну; допускается также уборка озимаго и ярового хлѣба за четвертый снодь; рабочій день считается съ 7 час. утра до 8 час. веч. съ тремя перерывами по часу. Требования эти крестьяне готовы поддерживать забастовками.

На почвѣ конкуренціи между собою и неорганизованности сельскохозяйственныхъ рабочихъ, происходятъ тяжелыя взаимныя столкновения между ними—въ своей же средѣ. Въ „Думу“ сообщаютъ, что слухи о предстоящемъ урожаѣ привлекаютъ въ южныя губерніи пришлыхъ рабочихъ изъ другихъ губерній, а потому есть основанія опасаться, что когда наступитъ время жатвы, и уборка хлѣба, то между крестьянами мѣстныхъ деревень и пришлыми рабочими, которыхъ уже теперь предусмотрительные землевладѣльцы нанимаютъ на базарахъ въ городахъ, произойдутъ кровавыя столкновения. Столкновения эти уже начались. Въ Одесскомъ уѣздѣ крестьяне прогоняютъ рабочихъ, привезенныхъ изъ другихъ мѣстъ; такъ въ экономіи Гука крестьяне камнями избили привезенныхъ рабочихъ; послѣдніе ушли. Крестьяне села Курисова, провѣдавъ, что экономія земскаго начальника Емельянова выписываетъ рабочихъ изъ Подольской губерніи, заявили, что встрѣтятъ пришлыхъ дубинами и камнями. („С. Л.“). Въ Елисаветградскомъ у., пришлые рабочіе жалуются на угрозы мѣстныхъ крестьянъ повыгонять изъ экономій. („Н. Вол.“). Въ Харьковскомъ уѣздѣ въ имѣніи Кринера пришлые рабочіе удаляются мѣстными.

Въ кременчугскомъ уѣздѣ отношенія между рабочими и хозяевами обостряются въ виду того, что хозяева прибѣгаютъ къ найму штрейкбрехеровъ и изъ другихъ деревень („С. С.“). Въ полтавскомъ уѣздѣ мѣстные рабочіе также не допускаютъ пришлыхъ. Въ

конці концовъ отъ этихъ столкновеній рабочіе проигрываютъ въ сильной степени. Отсутствие среди крестьянъ и с.-х. рабочихъ Киевской губ. какой бы то ни было профессиональной организаціи—говорить корреспондентъ „Рѣчь“ изъ Киевской губ.,—крайне обостряетъ конкуренцію при наймѣ на полевые работы и вредитъ ихъ интересамъ. Почти всегда *мѣстные* крестьяне-рабочіе бастуютъ и *снимаютъ товарищей-иносельцевъ*. Такъ протекаютъ всѣ сельско-хозяйственныя забастовки въ Киевской губ. Возникаетъ вражда между безработными. Изгоняемые обыкновенно переходятъ на сторону всевластныхъ помѣщиковъ, на помощь которымъ являются казаки и стражники. Въ лучшемъ случаѣ, для предотвращения дальнѣйшихъ конфликтовъ, подневная плата немного увеличивается, но спустя 3—4 дня опять понижается до прежняго нищенскаго уровня. Почти повсемѣстно въ липовецкомъ уѣздѣ въ первыхъ числахъ мая начались забастовки и закончились такимъ образомъ. Въ послѣднихъ числахъ мая, въ виду приходящей къ концу работы по прорывкѣ и шаровкѣ свеклы, объявлена была плантаторами уменьшенная плата—по 50 коп. въ день, вмѣсто 75. *Мѣстные* естественно отказались и разошлись по домамъ, а на слѣдующій день работа на плантаціяхъ возобновлена была пришлымъ элементомъ—батраками изъ сосѣднихъ селъ и деревень... Неизбѣжно слѣдовали обычные акты: чужіе рабочіе были изгнаны, явились вольнонаемные, казаки, полиція, конные стражники и т. д.

Но въ прорывка и шаровка свеклы—только лишь ягодки, а цвѣточки еще впереди, —заключаетъ корреспондентъ.—Урожай въ Киевской губерніи—громадный, предстоятъ жатва хлѣбовъ, сборъ стручковыхъ продуктовъ, молотьба, сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ и копка свеклы.

Является жизненная неотложная потребность въ профессиональной организаціи, которая объединила бы ищущихъ работы, ибо отъ ихъ разъединенности, конкуренціи и вражды, выигрываютъ только плантаторы-помѣщики, а крестьянъ ждетъ—голодь и отчаяніе...

Но главная бѣда сельско-хозяйственныхъ рабочихъ заключается все же не во взаимныхъ ихъ раздорахъ, а въ воздѣйствіи на нихъ той вишней административной силы, которой послѣдній законъ о противодѣйствіи стачкамъ даетъ широкія права въ этомъ отношеніи и которая, при господствующей теперь вакханаліи произвола, расширяетъ эти права до крайней степени физически возможнаго насилія, провоцируя тѣмъ соответствующія выступленія и со стороны крестьянъ-рабочихъ. Общая сознательная тенденція послѣднихъ ярко выражается въ томъ, чтобы избѣгать столкновеній съ администра-

цій, ограничивая свои дѣйствія, въ большинствѣ— пассивныя, сферой чисто экономической борьбы съ землевладѣльцами. „Борьба крестьянъ съ помѣщиками на почвѣ стачки растетъ съ каждымъ днемъ и охватила уже весь уѣздъ,—пишетъ корреспондентъ „Родной Земли“ изъ сумскаго уѣзда. Каждый день получаютъ новые факты, говорящіе объ удивительной стойкости и единодушій крестьянъ. Провода съ рѣдкимъ хладнокровіемъ и сознаніемъ своей силы, свои требованія, крестьяне не даютъ никакого повода къ вышатательству вооруженной силы. Въ настоящее время въ Сумахъ сосредоточены войска всѣхъ родовъ оружія: имѣется пѣхота, артиллерія, драгуны и казаки. Всѣ войска въ разгонѣ по уѣзду. Въ городѣ нерѣдко остается одинъ эскадронъ (изъ полка) да $1/2$ батареи артиллеріи“. Въ сквирскомъ уѣздѣ (Кіев. губ.) также „до сихъ поръ недоразумѣнія между крестьянами и землевладѣльцами или арендаторами удавалось прекратить мирнымъ путемъ безъ всякихъ арестовъ и репрессій“. („К. Г.“). Въ нѣкоторыхъ — слишкомъ, правда, рѣдкихъ случаяхъ даже органы усмиренія и устрашенія обнаруживаютъ совершенно объективный взглядъ и образъ дѣйствій? администраціи въ виду возможныхъ волненій среди сельскаго населенія. Предположены, — говорилъ этотъ освѣдомленный администраторъ, — исключительныя мѣропріятія въ предупрежденіе аграрныхъ насилій, захватовъ, истребленій помѣщичьихъ угодій и т. п.; главное вниманіе будетъ обращено на то, чтобы изолировать крестьянъ отъ агитаторовъ и вредной литературы. Съ крестьянъ той или иной мѣстности, отдѣльные члены которой примутъ участіе въ беспорядкахъ, — будутъ взысканы убытки, хотя бы большинство въ беспорядкахъ и не участвовало. Этимъ предполагается достигнуть вліянія благонамѣренныхъ односельчанъ на своихъ сосѣдей. Затѣмъ поднять вопросъ объ учрежденіи въ экономіяхъ и помѣщичьихъ хозяйствахъ особыхъ охранныхъ дружинъ, которыя будутъ вооружены винтовками и браунингами. Содержаніе дружинъ частные собственники возьмутъ на свой счетъ. Помимо всего этого въ каждомъ уѣздѣ будутъ расположены летучіе воинскіе отряды. Съ момента возникновенія беспорядковъ та или иная мѣстность будетъ немедленно объявлена на военномъ положеніи.

Результатомъ такой „внутренней политики“ и являются именно репрессіи, начиная съ болѣе мягкой ихъ формы—арестовъ и кончая жестокими набіеніями и звѣрскими убійствами. Такъ, въ имѣніи Баскакова Каменкѣ, сквирскаго уѣзда, забастовали рабочіе на свекловичныхъ плантаціяхъ, требуя повышенія поденной платы; этого было вполне достаточно, чтобы полиція арестовала пять рабочихъ. Въ

с. Ржавецъ (Черн. г.) арестовано 6 крестьянъ за „подстрекательство“ къ стачкѣ въ экономіи („Деспа“). Въ Харьковѣ, какъ сообщаютъ „Рус. Сл.“, доставлена въ мѣстную тюрьму новая партія арестованныхъ крестьянъ сумскаго уѣзда, среди которыхъ находятся и дѣти; особенно арестовано крестьянъ въ имѣніи Строганова за то, что они съ агитаціонными цѣлями возили по деревнямъ извѣстнаго крестьянскаго дѣятеля Щербака. Всего въ сумскомъ уѣздѣ съ декабря арестовано 1,100 крестьянъ. Кіевская судебная палата приговорила за участіе въ сельско-хозяйственной забастовкѣ къ тюремному заключенію — одного крестьянина на годъ, четырехъ къ 8 мѣсяцамъ и одного на 6 мѣсяцевъ („Рѣчь“).

Перечислять подобные факты тѣмъ болѣе нѣтъ надобности, что это все лишь цвѣточки въ сравненіи съ тѣми ягодами произвола и насилія, на какія оказался такой богатый урожай въ текущую весну. Вотъ нѣсколько фактовъ въ этомъ родѣ. Въ имѣніи Кеннига, въ Богодуховскомъ уѣздѣ, забастовали рабочіе, предъявивъ требованія объ улучшеніи нищи. Пріѣхавшій исправникъ приказалъ стрѣлять. Смертельно ранено два рабочихъ. Одинъ уже умеръ. Рабочіе сильно возбуждены („Нов. Волна“). Въ „Отголоски Жизни“ пишутъ, что въ с. Крапивномъ, неподалеку отъ м. Ични, борзенскаго уѣзда, сельско-хозяйственные рабочіе прекратили работы въ экономіи, выставивъ цѣлый рядъ экономическихъ требованій. Несмотря на все убѣжденія какъ экономической администраціи, такъ и полиціи, работы не возобновлялись. Пріѣхавшій въ третій разъ приставъ, разговаривая съ забастовавшими, началъ ругаться. Крестьяне, неоднократно ему заявлявшіе, что „бунту“ тутъ нѣтъ никакого, что бросили они работу просто-напросто потому, что въ ихъ рукахъ это единственное средство борьбы за улучшеніе своего положенія, озлобившись бранью пристава избгли его. Были вызваны казаки, стоящіе въ Парафѣевской экономіи Харитоненко. Пріѣхалъ также берзенскій исправникъ Басанько и ичненскій приставъ Филановичъ. Такъ, напр., въ м. Орловецъ звенигородскаго у. (Кіев. г.), сдѣ крестьяне потребовали повышенія заработной платы, посланы были осетпны. Экономъ указалъ казакамъ на главныхъ зачинщиковъ. Офицеръ, узнавъ, что дѣло идетъ только о повышеніи платы, сказалъ, что онъ вмѣшиваться не можетъ, такъ какъ каждый имѣетъ право брать за свой трудъ сколько хочетъ („Н. Ж.“). Въ той же Кіевской губ. имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Крестьяне села Троши, принадлежащаго наслѣдникамъ Запольскаго и арендуемаго Демидовой княгиней Санъ-Донато, пожелали чтобы казенную плату съ

40 коп. вмѣ увеличили до 60 к. Нужно сказать, что это требование является (ше умѣрившимъ, т. е. работы, вслѣдствіе не переставшихъ дождей, происходятъ въ очевѣ неблагопріятныхъ условіяхъ. Администрація имѣнія, отказавъ мѣстнымъ крестьянамъ въ ихъ законномъ требованіи, рѣшила на тѣ же 60 коп. въ день крестьянъ другихъ сель. Само собой разумѣется, тращанскіе крестьяне возмутились этимъ и допустить „пришлецовъ“ къ работѣ не желали. Администрація завода располагаетъ пятьюдесятью казаками, и она, конечно, сейчасъ же ихъ направила противъ „бунтовщиковъ“, одновременно вызвавъ липовецкаго уѣзднаго исправника. Но липовецкій уѣздный исправникъ нашелъ ностунокъ завѣдующаго имѣніемъ неправильнымъ и воздѣйствовалъ на него въ такомъ духѣ, что въ настоящее время тращанскіе крестьяне работаютъ по 60 коп. въ день („Отч. Ж.“).

Но случаи эти являются не только исключительными, а даже просто ненормальными на томъ фонѣ аграрныхъ отношеній, какой создается путемъ законодательнаго и административнаго воздѣйствія. Здѣсь имѣемъ дѣло съ общимъ направленіемъ господствующаго режима—преслѣдовать интересы не страны, — не того аркадійскаго „отечества“, отъ любовно-патріотической тоски по которому изнываетъ наша бюрократія, и не народныхъ массъ, а исключительно классовые и сословные интересы группъ, стоящихъ у власти или близкихъ къ ней. Это исключительное обереганіе интересовъ аграріевъ, въ ущербъ интересамъ рабочей массы, видимъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. „Въ послѣднее время—справедливо говорить „Голосъ“,—факты деревенской жизни показали съ поразительной ясностью связь между экономикой и политикой нашихъ правящихъ сферъ. Процессъ объ аграрныхъ безпорядкахъ въ имѣніи г. Стишинскаго; усмирительная дѣятельность казаковъ, охраняющихъ „священную собственность“ г. Дурново; переполохъ, произведенный въ министерствѣ разгромомъ имѣнія г. Влохьяна, приходящагося родственникомъ одному изъ главныхъ членовъ кабинета; наконецъ, вообще частая упоминанія въ числѣ нашихъ гг. феодаловъ, пострадавшихъ отъ деревенскихъ волненій, именъ чиновной и придворной знати, графовъ Шереметевыхъ, Шуваловыхъ, Паленовъ, Ниродовъ,—все это свидѣтельствуетъ, что наши государственные мужи преслѣдуютъ своей политикой: „ни земли, ни воли личныя выгоды эксплуатирующей народъ клики, отъ ней же они первые есть“.

Если это такъ,—а факты говорятъ сами за себя,—то въ отношеніи администраціи и землевладѣльцевъ къ рабочимъ слѣдуетъ

ожидать не справедливости, а тѣхъ именно репрессій, какія опредѣленно диктуются всѣмъ характеромъ драконовскаго закона о стачкахъ и исключительнымъ радѣніемъ объ интересахъ сильныхъ міра сего. Недавно одинъ изъ вице-губернаторовъ украинскихъ губерній сообщилъ сотруднику „Одесскихъ Новостей“, что предпринимаетъ со стражниками. Собравъ сельскій сходъ, исправникъ предложилъ крестьянамъ выдать „агитаторовъ“. Тѣ заявили, что таковыхъ нѣтъ. Исправникъ сказалъ, что стачку они могутъ продолжать, но что „агитаторовъ“ выдать надо непременно. Крестьяне категорически отказались исполнить требованіе исправника. Послѣ троекратнаго предупрежденія казаки дали залпъ. Крестьяне разбѣжались, оставивъ на мѣстѣ двухъ человѣкъ убитыхъ и нѣсколько раненыхъ. Произведены аресты.

Но особенной жестокостью поражаютъ расправы съ рабочими въ томъ случаѣ, если грубой физической силой усмирителей приходится на помощь интеллигентная изобрѣтательность нашихъ феодаловъ. Телеграмма въ „Рѣчь“ отъ 13 іюня сообщаетъ, что въ мѣстечкѣ Гладоры елисаветградскаго уѣзда помѣщикъ Ковалевскій прибѣгнулъ къ слѣдующей предательской расправѣ съ крестьянами - косарями. Обѣщавъ дать черезъ часъ отвѣтъ на выставленные ими требованія, онъ пригласилъ двадцать стражниковъ. Послѣдніе внезапно врѣзались въ толпу косарей, жестоко расправляясь нагайками. Косари въ ужасѣ разбѣжались. Стражники пустили въ догонку залпъ, и ранили двухъ человѣкъ. Угрожая перестрѣлять всѣхъ, они вынудили косарей выйти изъ роши и оиять начали звѣрскую расправу. Четыре арестованныхъ косаря истерзаны до полусмерти.

Дальше этого нечеловѣческаго звѣрства, повидимому, идти уже некуда. Подобные факты превосходятъ всѣ тѣ впечатлѣнія, какія каждый изъ насъ вынесъ въ свое время изъ „Хижины дяди Тома“. Современные сѣрые невольники стоятъ совершенно внѣ закона. Они обязаны работать всецѣло по волѣ своихъ хозяевъ, экономическіе идеалы которыхъ неизмѣнно витаютъ въ прошломъ, въ той эпохѣ, о которой еще Пушкинъ сказалъ:

Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ
Надеждъ и помысловъ въ душѣ пигать не смѣя...

Естественное стремленіе теперешнихъ крѣпостныхъ-рабовъ приложить свой трудъ на чужой землѣ съ какой-нибудь для себя пользой квалифицируется какъ величайшее преступленіе и влечетъ за собой жестокою, кровавою расправу. Такимъ образомъ, земля, этотъ

источникъ чловѣческаго труда и существованія, является для крестьянина-рабочаго не основою благосостоянія, а предметомъ горя, ужаса и мучительной гибели. Все это заставляетъ притти къ мысли, что если бы даже не было другихъ основаній къ принудительному отчужденію земли отъ ея настоящихъ владѣльцевъ— крупныхъ собственниковъ, то уже одна та глубокая опасность, какой подвергаются каждую минуту достоинство и жизнь многомилліонной массы работниковъ-гражданъ, должна быть признана достаточнымъ основаніемъ для передачи земли тѣмъ, кто такъ обильно поливаетъ ее теперь своими потомъ, слезами и кровью.

Spectator.

Земства ха Украинѣ.

Когда-то мы зачитывались газетами, въ которыхъ помѣщались подробные отчеты о сессіяхъ губернскихъ земскихъ собраній. Газета „Голосъ“, издававшаяся Краевскимъ, тонкими намеками Езоповскаго языка проповѣдовала тогда, что наши избранные мѣстнымъ населеніемъ для ходатайства о мѣстныхъ „пользахъ и нуждахъ“, подготовить почву для будущаго переустройства государственной жизни на началахъ представительнаго управления. То было время, когда и въ губернскихъ и въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ говорилось о необходимости всеобщаго обученія населенія, когда собранія „жертвовали“ сотни и тысячи рублей на это „святое дѣло“. Не только въ земскихъ собраніяхъ, а и въ городскихъ думахъ произносились рѣчи о мѣрахъ къ „поднятію экономическаго благосостоянія“ населенія. Молодежь жадно слѣдила за тѣмъ, какія мѣры предлагаются для этой цѣли и много ли денегъ ассигнуется на осуществленіе этихъ мѣръ?

Но скоро вниманіе читателей къ земской и городской литературѣ охладѣло: въ городахъ увеличивались смѣтныя цифры на статьи по содержанію полиціи и войскъ; статистическія выкладки разныхъ земскихъ комиссій по народному образованію приводили къ заключенію, что нужны милліоны тамъ, гдѣ расходовались только десятки тысячъ, и что до всеобщаго обученія при полной нищетѣ массы населенія очень далеко. Печатавшіеся въ газетахъ подробныя, почти стенографическіе отчеты о мѣстныхъ представительныхъ собраніяхъ мало по малу стали исчезать; мѣсто ихъ заняли краткія сообщенія о постановленіяхъ съ довольно рѣзкою критикою существа нѣкоторыхъ изъ нихъ. Стали появляться сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно ли земскія и думскія постановленія выражаютъ волю населенія, или они столь же бесплодны для улучшенія его положенія, какъ и постановленія дворянскихъ собраній, выполнявшихъ нѣсколько тысячъ китайскихъ церемоній?

Въ Новое (второе) земское положеніе 1890 года, учрежденіе института „земскихъ“ начальниковъ еще болѣе скомпрометировало почет-

ное прежде имя земства. Сельское населеніе встрѣтило упраздненіе должностей мировыхъ судей съ изумленіемъ: „не вже ж у нас буде безсудна земля?“, говорили крестьяне. Въ замѣнѣ ихъ „земскими“ начальниками населеніе увидѣло, что и земство, имѣющее такихъ начальниковъ, стало департаментомъ центрального правительства относительно котораго сложились уже самыя опредѣленные понятія: если хотите, чтобы изъ какого-нибудь предпріятія (библіотекп, читальни, ссудо-сберегательнаго товарищества, артельной лавки и т. п.) ничего не вышло,—обратитесь къ правительству, ближайшимъ представителемъ котораго является земскій начальникъ; онъ только выразитъ послѣдними словами депутатовъ и приговора сельскаго, конечно, не утвердитъ. Да и сами представители населенія, попадавшіе въ земскіе гласные, при извѣстной системѣ воздѣйствія на нихъ сверху, при увеличеніи въ ихъ средѣ числа земскихъ начальниковъ и предводителей дворянства, измѣнились, а съ ними измѣнилось и настроеніе земскихъ собраній. Если прежде считалось, что земскому собранію приличествуетъ быть въ оппозиціи не только по отношенію къ мѣстнымъ администраторамъ, но и къ министерскимъ департаментамъ, то теперь вошло въ обычай по пріѣздѣ въ губернской городъ являться съ визитомъ къ губернатору и затѣмъ во время сессіи навѣдываться къ нему на чашку кофе, чтобы познакомиться передъ рѣшеніемъ какого-нибудь дѣла съ взглядами правительства по этому предмету и желаніями его превосходительства.

Когда публицистъ и писатель Мордовцевъ печаталъ свои очерки перваго десятилѣтія жизни русскаго земства, было еще несомнѣнно, что земство въ развитіи россійской полптической жизни представляетъ прогрессивный элементъ; въ минувшее четвертое десятилѣтіе его существованія, кажется уже не было сомнѣній, что большинство земскихъ дѣятелей совмѣстно съ земскими начальниками представляетъ изъ себя людей 20-го числа, заботящихся о личныхъ своихъ благахъ болѣе, чѣмъ о благѣ общественномъ. Конечно, были въ средѣ гласныхъ люди старыхъ земскихъ традицій; эти люди, когда гнѣтъ со стороны высшаго правительства дошелъ до свего апогея, стали собирать съѣзды, давшіе въ результатѣ организацію партіи народной свободы. Но какъ отнеслось большинство земскихъ собраній къ этимъ представителямъ земскаго политическаго самосознанія, достаточно извѣстно. Въ одной губерніи оно выражало порицанія представителямъ своимъ, бывавшимъ на земско-городскихъ съѣздахъ; въ другой (какъ напр. Херсонской) въ наказаніе за ихъ свободомысліе не избрало въ составъ управы.

Что же теперь происходитъ въ земской жизни? Когда страна разорена, населеніе — на пути къ одичанію, какое творчество и ини-

ціативу проявляють избравники, которымъ поручено пещись о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ?

За шумомъ избранія народныхъ депутатовъ въ Государственную Думу очень мало вниманія періодическая печать посвящала сообщеніямъ о томъ, что дѣлалось въ земскихъ собраніяхъ, которые собирались за время съ начала текущаго года. Но все-таки кой-какія извѣстія были. Херсонское губернское собраніе, по словамъ одного корреспондента, представляло изъ себя родъ зауконой мессы надъ мертвецомъ—„старымъ земствомъ“,—до того уныло и безжизненно отправляло свои функціи. Оно похоронило своимъ постановленіемъ „Сборникъ Херсонскаго земства“, издававшійся 39 лѣтъ и помѣщавшій, кромѣ докладовъ управы, разныхъ комиссій очерковъ дѣятельности разныхъ органовъ губернскаго земства, и описанія уѣздовъ съ экономической, санитарно-гигиенической, сельскохозяйственной стороны и пр. Въ этомъ „Сборникѣ“ читатели находили изслѣдованія о положеніи промысловъ, сельскохозяйственныхъ рабочихъ, приходящихъ на лѣто въ эту губернію, сельскохозяйственныя, ветеринарныя, медицинскія хроники, историческіе очерки по эпидемиологій, агрикультурѣ и пр. и пр. Теперь земство нашло, что все это лишнее, что интересоваться этимъ—некому, благо преданы имъ остракизмъ тѣ, кто стоялъ за развитіе мѣстной жизни и интересовался ея знаніемъ. Херсонское уѣздное земское собраніе въ недавнюю сессію 30 мая только и сдѣлало, что постановило „выразить солидарность полтавскому уѣздному земству, отклонившему положеніе о посылкѣ привѣтствія Государственной Думѣ“. Екатеринославское земство, кажется, только о томъ и заботилось, чтобы въ Государственный Совѣтъ и въ Государственную Думу не попали крамольники и поддакивало начальству, разорявшему народныя школы и очищавшему ихъ отъ учителей-крамольниковъ. А когда то именно въ этой губерніи школы Александровскаго уѣзда считались образцовыми по постановкѣ въ нихъ дѣла.

Не далеко отъ Екатеринославскаго ушло Полтавское земство, также славившееся когда-то заботами о просвѣщеніи и проектами „поднятія экономического благосостоянія“ населенія. За эту весну оно закрыло школу садоводства. По земельному вопросу оно, какъ и прежде, работало совместно съ мѣстнымъ обществомъ сельскаго хозяйства. Еще немедленно вслѣдъ за 17 октября въ прошломъ году оно рѣшило, что разрѣшеніе этого вопроса должно составить первую и главную заботу Государственной Думы, а до этого разрѣшенія необходимо „при самомъ широкомъ участіи представителей народа“ обсудить его на мѣстѣ. Но это рѣшеніе, кажется, было послѣднимъ откликомъ старыхъ традицій, ибо въ текущемъ маѣ появился

уже докладъ не о прирѣзкѣ на каждое хозяйство земли до 6 десятинъ изъ принудительно отчужденныхъ у частныхъ владѣльцевъ земель, а—объ организациі переселенческаго дѣла и о посылкѣ въ Тургайскую область агронома совмѣстно съ крестьянами для ознакомленія съ тамошнею почвою и климатомъ. Дѣло кончилось, какъ видно изъ позднѣйшихъ газетъ, тѣмъ, что крестьяне не въ состояніи были ходить для осмотра земель, а отъ жары лежали подъ вагонами, спасаясь отъ палящихъ лучей солнца и проклиная жару.

Земства Харьковское, Черниговское, Курское въ губернскихъ городахъ проявляли свою дѣятельность слишкомъ формальными сѣздами на собранія и разѣздовъ. За уходомъ болѣе передовыхъ дѣятелей въ Государственную Думу тутъ за-то проявили свою просвѣтительную дѣятельность уѣздныя земства. Въ Гадячѣ, Борзнѣ, Козельцѣ, а можетъ быть въ другихъ городахъ стали появляться газеты для народа, разумѣется, не на народномъ языкѣ, а на языкѣ канцелярій уѣздныхъ управъ. Стало населеніе читать Гадяцкую газету, ибо очень оно хочетъ теперь читать газеты, но пришло къ заключенію, что лучше дорогія столичныя газеты доставать, ибо изъ земской Гадяцкой — ничего не узнаешь. Вѣроятно, она была такая, же, какъ и Борзенская земская газета, гдѣ по отзыву „Десны“ было много печатаемо объ изверженіи Везувія, о землетрясеніи въ С. Францискѣ, да изъ „злобъ дя“—о захватѣ кѣмъ-то кусочка городскаго сквера въ Борзнѣ; Козелецкая газета, подражая вѣроятно губернскимъ вѣдомостямъ старыхъ временъ, печатала статистическія таблицы, но тоже давала населенію вмѣсто хлѣба—камень. Въ бахмутской управской „Народной газетѣ“, какъ сообщаетъ „Родная земля“, почему то эта управа нашла нужнымъ помѣщать обстоятельный обзоръ фондовой биржи съ детальнымъ изложеніемъ сдѣлокъ на англійскіе стерлинги, чеки на Лондонъ и Берлинъ и т. п., при чемъ разъясняли населенію, что Гос. Дума пожелала паретвовать (!), а ей дали жестокой урокъ, выражаемый поговоркой: „знай сверчокъ свой шестокъ“.

Когда читаешь подобныя извѣстія о работахъ земствъ на Украинѣ, не хочется вѣрить глазамъ, что подобныя извѣстія идутъ не о комъ другомъ, какъ о земствѣ. Неужели, управы издѣваются надъ населеніемъ, полагая что можно расходовать земскія деньги на такую макулатуру, которой оно читать не будетъ. Но когда изъ отчетовъ о земскихъ собраніяхъ Курскаго или Щигровскаго уѣздныхъ земствъ узнаешь объ отношеніи къ семьямъ запасныхъ или о томъ, какъ нѣкій г. Шпановъ интригуетъ, чтобы осталось за нимъ тепленькое мѣстечко предсѣдателя управы, то соглашаешься, что нынѣшніе пе-

чальники о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ занимаютъ мѣста вовсе не для нихъ назначенныя.

О такъ называемомъ „туберкулезномъ“ земствѣ Юго - Западнаго края мы не говоримъ, ибо это учрежденіе — новое, не стяжавшее еще никакой славы, кромѣ назначенія крупныхъ суммъ содержанія своимъ печальникамъ. О городскомъ общественномъ управленіи — также умолчимъ. Но въ заключеніе зададимъ читателямъ вопросъ: что же будетъ съ мѣстнымъ управленіемъ, земскимъ и городскимъ, дальше, когда сознательное отношеніе населенія къ общественной жизни поставитъ вопросъ: для кого и для чего существуютъ эти учрежденія, удалившіяся отъ его интересовъ въ абстрактную схоластику канцелярщины и бюрократизма?

А. Русовъ.

Резолюція украинскихъ демократовъ по поводу бѣлостокскаго погрома.

15 іюня Полтавская „Громада“ украинской демократической партіи на обычномъ собраніи своихъ членовъ приняла нижеслѣдующую резолюцію, которую даемъ въ переводѣ съ украинскаго:

„Полтавская „Громада“ украинской демократической партіи выражаетъ свое глубокое негодованіе по поводу погрома евреевъ въ Бѣлостокѣ.

Какъ видно изъ газетныхъ извѣстій и свѣдѣній, собранныхъ депутатами Государственной Думы, это событіе совершилось такъ, какъ прежнія, подобныя ему. Теперь мы хорошо знаемъ, что погромы евреевъ организовывались правительственными агентами, которые, съ помощью „черной сотни“, производили ихъ „на 10 или на 10.000 человекъ“.

Невольно овладѣваетъ нами мысль, что сама „черная сотня“ возникла отъ того, что нѣкоторые правительственные чиновники вызвали людей къ „черной дѣятельности“ и награждали ихъ за звѣрскіе поступки противъ беззащитныхъ людей.

Поэтому мы думаемъ, что погромы евреевъ страшны не только тѣмъ, что убивали и разоряли невинныхъ людей, но они страшны еще тѣмъ, что развращали самихъ христіанъ, буда въ нихъ звѣрскія чувства.—Мы ужаснулись, узнавъ про бѣлостокскій погромъ и съ чувствомъ величайшаго гнѣва протестуемъ противъ такого душегубства, и выражаемъ свое горячее сочувствіе и сожалѣніе еврейскому народу“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную литературно-политическую, экономическую и общественную газету

„Кіевскіе Отголоски Жизни“.

Подписная цѣна:

- На годъ. на 8 м. на 7 м. на 6 м. на 3 м. на 2 м. на 1 м.
1) Съ дост. и перес. 8 р. 6 р. 5 р. 25 к. 4 р. 50 к. 2 р. 50 к. 1 р. 75 к. —р. 90 к.
2) За границу . . 17 р. 12 р. 9 р. —к. 8 р. 50 к. 4 р. 75 к. 3 р. 25 к. 1 р. 65 к.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

При непосредственномъ обращеніи въ главную контору г.г. студенты и учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также учителя народныхъ училищъ, лица сельскаго духовенства, крестьяне и рабочіе уплачиваютъ за газету 75 коп. въ мѣсяцъ.

Для г.г. подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка для иногороднихъ и городскихъ съ доставкой: по 1 руб. въ теченіе первыхъ 8 мѣс., или при подпискѣ—3 р., къ 1 Мая—3 р. и къ 1 Сентября—2 руб. За перемѣну адреса 40 коп. При перемѣнѣ адреса необходимо указать свой прежній адресъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа наждаго мѣсяца.
Адресъ: главной конторы и редакціи Кіевъ, Прорѣзная ул. (уголь Музыкальнаго переулка) № 4. Телефонъ № 589.

Продолжается подписка на 1906 годъ

НА

„ВОЛЫНЬ“

газету политическую, литературную и обществен. жизни

(28-й годъ изданія).

„ВОЛЫНЬ“ выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ-
праздничныхъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой

На 12 м.—7 р., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 30 к., на 1 м.—85 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ „ВОЛЫНИ“, въ г. Житомирѣ (уг. Махайловской и В.-Бердичевской, д. О-ва Взаимнаго кредита).

Редакторъ *Т. Коробицкій.*
Редакторъ-Издатель *Е. Щербицкій.*